

Александр Дьяков

ТОЙВО

Александр Павлович Дьяков

Тойво

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27107156
SelfPub; 2017*

Аннотация

Будущее. Россия уже много лет, как уничтожена вместе со всеми своими жителями. Жизнь в Европе постепенно приходит в норму после продолжительной ядерной зимы. Молодой сотрудник кафедры славянских языков Университета Барселоны Тойво Саволайнен получает приглашение в странный проект по переработке русской литературы. Похоже, вслед за русскими кто-то подчищает и их культуру. Тойво предстоит поменять привычный уклад жизни, преступить черту закона, нажить опасных врагов, помотаться по миру, познакомиться со множеством настоящих и не очень настоящих русских, выживших в эмиграции. И даже стать надеждой на возрождение для чужой ему нации.

ТОЙВО

Так вот: назови мне последнее число.

То есть? Я... я не понимаю: какое последнее?

Ну последнее, верхнее, самое большое...

Но это же нелепо. Раз число чисел бесконечно, какое же ты хочешь последнее?

Евгений Замятин. «Мы»

1.

Я финн произнес, наконец, Тойво, когда пограничник уже слишком затянул свою театральную паузу с поднятой бровью. Тот поднял вторую бровь, ещё раз заглянул в паспорт на фотографию светловолосого гражданина Испании Тойво Саволайнена. Посмотрел на соседку по купе, как бы желая удостовериться в услышанном, вернул паспорт и вышел. Соседка промолчала, как молчала всю дорогу от Парижа. И лишь, когда закрылась дверь, её словно откупорили. Типичная испанка-мама. За сорок лет, красится в модный рыжий молодится. Хорошо одетая, аккуратная, на шее шарф петлей на французский манер, даже весьма симпатичная. Но, как и все эмоциональные испанцы, если уж начнет говорить, то выскажет все что думает.

– Знаете, я ещё помню те времена, когда здесь вообще не было пограничного контроля. Шенгенское соглашение, слышали про такое? Едешь из Испании во Францию и даже не понимаешь, в какой момент оказываешься в другой стране. Эти горы везде одинаковы.

Тойво молчал, но вежливо смотрел на соседку.

– Святая Мария, все эти границы вернули для тотального контроля. Они охотятся за русскими, это понятно. Каждый блондин под подозрением.

Здесь она выразительно приподняла взгляд на шевелюру Тойво, но быстро отвела глаза в окно. Боится. Она, наверное, и сама всю дорогу думала, что едет с русским. Слово «финн» её успокоило, но не полностью. Мало ли кто эти финны. Может, вроде украинцев.

Тойво вовсе не был блондином. Испанка сказала *tubio*, это некое обобщающее слово, как и у американцев на все светлые оттенки есть термин *blond*. Но его цвет волос был не белым, и, пожалуй, даже не светлым. Он был русым. Тойво знал такое слово из русского языка. По всей видимости, у русских этот цвет волос был самым распространенным. Хотя Тойво встречал русских во многих местах. Забавно: если сейчас начать объяснять это попутчице, она запаникует? Испанка, впрочем, сама продолжила русскую тему. Да так, что Тойво вздрогнул от неожиданности.

– А вы знаете, что эти места когда-то изначально были заселены русскими? Французская провинция Руссильон имеет название от русских поселений в древние века. Как и итальянская Венеция. Это подтвержденный факт. Тут она осеклась. Хотя сейчас это неважно.

– Вы имеете в виду славянские племена, а не русских? Заговорил, наконец, Тойво. Про то, что Венеция была основа-

на венедами, то есть славянами, я слышал. Но то, что они дошли до Каталонии не знал. Простите, но откуда вам это известно?

– Не помню, где-то читала. Ушла от ответа ответила испанка. И достав свой телефон, спросила уже безучастно. Вы едете до Барселоны?

– Да. Сказал Тойво. Он выждал несколько секунд и понял, что соседка намеренно погрузилась в свой гаджет. Продолжения разговора не будет. Проверка документов кончилась, поезд снова двинулся, но теперь уже по родной Испании.

Эта остановка, этот разговор с новой силой раздули костер затухающих размышлений Тойво. Странное совпадение. Ведь всю дорогу до этого он, аспирант кафедры славистики Университета Барселоны вспоминал и анализировал свой необычный блиц-визит в Париж. Его пригласили в группу букморфинга известного парижского слависта, профессора Луи Эганбюри. Тойво никогда не занимался подобным и не ожидал, что Эганбюри интересуется букморфингом. Слишком глупое и поверхностное занятие. Модное течение, которым мир переболеет и, скорее всего, забудет через несколько лет. Букморфинг это переписывание уже известных книг. Как в кинематографе римейк уже известного фильма. Но если римейк фильма предусматривает хотя бы новее прочтение сценария, то есть неизменного текста, то букморфинг подразумевает переделку именно текста. Первоисточника. Чаще всего шедевра мировой литературы. Это

повелось лет пять назад. Начали, кажется, американцы. Переделанные «Гроздья гнева» Стейнбека имели оглушительный успех. Тойво читал это творение от малоизвестного автора. Косметические правки в начале и переименованная концовка в стиле хэппи-энд, как и любят в Голливуде. Совершенно другая книга, нелепость. Как если бы статуе Венеры Милосской снесли голову и поставили другую. От Статуи свободы, например. Но это на личный вкус Тойво, критики же были в восторге. Вслед за тем букморферы расплодились по всему миру и стали безжалостно коверкать романы, повести и рассказы. Маркес стал более динамичным. Эдгар Аллан По более позитивным. Бальзак современным. Хемингуэй юмористичным. Твена, наоборот, напичкали чьими-то философскими измышлениями. Сказки Гофмана наполнили какими-то мультяшными персонажами. Даже старик Дон Кихот теперь по новому сюжету превратился в успешного банкира.

Литературной ценности такие мутанты, по мнению Тойво не представляли. Но удивительное дело, издательства легко соглашались печатать подобное творчество. Книжки из серии букморфинга продавались в магазинах на одних полках с оригиналами. Только рядом с названием обычно ставилась пометка «NE», new edition. Авторы не выпячивались на обложке, а прятались внутри книги. Чаще всего работала именно группа авторов. Видимо, собирать уродливых франкенштейнов веселее вдвоем-втроем. Как известно, при группо-

вом изнасиловании чувство личной ответственности растворяется.

Вот и Тойво предложили поучаствовать в таком групповом преступлении. Профессор Эганбюри, по отзывам очень жизнерадостный и легкий в общении человек, при знакомстве с Тойво, напротив, был серьёзен и прагматичен. Он принял привет от руководителя барселонской кафедры, учителя Тойво, профессора Вальдеса. И лишь на это мгновение в глазах француза проскочило что-то вроде блеска оттертой от пыли бутылки Малаги, столь любимой на фуршетах после научных саммитов. Но подавив в себе воспоминания об Испании и коллеге Вальдесе, Эганбюри деловито ввел Тойво в курс дела. Парню предлагалось войти в группу авторов, которые займутся букморфингом книг русских писателей. Эту категорию литераторы ранее почему-то не трогали, за исключением Анны Карениной, для которой сочинили очередную идиотский хеппи-энд. По новому сюжету Алексей Каренин ранил на дуэли Вронского. Анне сказали, что он убит и та, поплакав с неделю, вернулась к мужу. В финальной сцене, видимо, чтобы сохранить железнодорожную тему, счастливое семейство уезжает на поезде в Варшаву.

Эганбюри объяснил, что русские книги не трогают как раз из-за сложного языка, который в последние годы стал исчезать. Равно как и сами книги, по решению ЮНЕКСО стали превращаться в памятники культуры и теперь их редкие эк-

земляры отыскиваются и свозятся в крупнейшие библиотеки и университеты. Барселонская кафедра в своё время как раз и стала одним из таких центров. Сюда свозили книги русских писателей или на русском языке со всей Испании. Выделили даже отдельное помещение в библиотеке университета. Оно стало одним из любимых мест Тойво, он любил читать на оригинале и ценил именно классические бумажные книги.

За эту любовь Тойво и выделили, как признался господин Эганбюри. И теперь просили о его помощи. В Париже формируется редакционная коллегия из таких же славистов со всей Европы, которым предстоит заняться букморфингом русской литературы. На это выделен грант Евросоюза в целях сохранения и популяризации стремительно исчезающей русской культуры. Заплатят за работу хорошо. Тойво в свои 25 лет, никогда столько не зарабатывал. И конечно, этот проект укорит продвижение к докторской степени.

– Но я вовсе не писатель! Пытался возразить он французу. На что тот аргументировано объяснил, что Тойво нужен не столько как писатель, сколько как славист и переводчик. Специалист по языку и по первоисточникам. От него и не требуется писать книгу, в группе с Тойво будут работать профессиональные филологи и копирайтеры. Формировать сюжет будут в основном они. Ему лишь потребуется облечь предложения в правильные русские конструкции. Хотя, со временем, вы втянетесь и сами захотите развить свои талан-

ты. Попробуйте, кстати на Набокове, с него мы и начнем работу. Предложите новую сюжетную линию, допустим, в «Защите Лужина». Проект большой, грант рассчитан на три года, но, поверьте, это только начало. Впереди нас ждут Пушкин, Толстой, Достоевский, Тургенев, Чехов и все остальные известные вам великаны.

Какая-то интуиция заставила Тойво промолчать и не выдать своего отношения и к этой сомнительной затее и к методам букморфинга в целом. Он не отказал Эганбюри сразу. Деньги хорошие, карьерная подвижка гарантирована. И все же нужно посоветоваться со своим руководителем Вальдесом. Кстати, эта работа возможна в дистанционном режиме? Смогу ли я сотрудничать с вами из Барселоны? У нас на кафедре огромная русская библиотека.

– Библиотека? Переспросил Эганбюри, и как-то снисходительно усмехнулся. Наверное, считает, что с его, парижскими запасами никакая картотека сравниться не сможет. Увы, дистанционно мы с вами сотрудничать не сможем. Творческая коллективная работа предполагает личный контакт. Так будет эффективнее. Считайте это условием контракта.

Поезд прибыл в Барселону. Машинист объявил время прибытия и температуру воздуха около нуля. Соседка поспешно и молча покинула купе. Тойво натянул шапку, намотал шарф и вышел следом. Была середина мая. И, кажет-

ся, правы были те эксперты, которые утверждали, что смена сезонов, наконец-то возвращается в Испанию и в Европу вообще. Многолетняя ядерная зима покидала планету. Возможно, у отца этим летом будет хороший урожай. Друзья из Мадрида писали, что недавно у них впервые выпал белый снег, выкладывали фотографии. Это, действительно, был ослепительно белый, чистый, живой снег, каким Тойво помнил из своего детства в Финляндии. Они жили тогда в Миккели, небольшом, лесистом, но вполне современном европейском городе. Но и к шумной Барселоне Тойво привык быстро. Она напоминала ему не столичный Хельсинки, а огромный Санкт-Петербург, который их семья посещала два раза в прежней жизни. Красивый был город. Страшно представить, что там сейчас.

Позвонил маме, сказал, что вернулся. Она ещё была на работе, отправила его домой, подсказала, где найти заготовленный с утра обед. Голос её был слегка встревоженным, она не стала спрашивать по телефону о результатах поездки Тойво, но догадывалась, что в Париже ему могли сделать слишком интересное предложение. Впрочем, пора бы уже. Мальчишка вырос и давно готов к самостоятельной жизни. Его уже не надо защищать от новой реальности, бесконечной зимы и от новых одноклассников. Когда Тойво пошел в испанскую школу, мама дала ему совет представиться именем То-нио. Мол, так одноклассникам будет проще к нему привыкнуть. Однако слиться с толпой юных южан ему все равно не

удалось, внешность слишком отличалась. Поэтому с полгода Тойво пожил под брендом Тонио, а потом просил называть его настоящим именем. Благо, что испанцам это диковинное финское имя давалось легко.

Да и сам испанский язык ответил Тойво взаимностью, освоился легко. О том, что у него есть способности к изучению иностранных языков стало понятно ещё в Финляндии. Их школа в Миккели в порядке эксперимента отказалась от изучения шведского и сделала ставку на русский язык. Там у Тойво и открылась сначала тяга, а потом и талант к изучению языков вообще. Для этого родители и ездили с ним в Петербург, организовали «погружение». Параллельно он усваивал английский. Намеревался взяться за немецкий. Но внезапный переезд открыл перед ним другой мир, испаноязычный. Причем, живя в Каталонии, он со временем стал понимать и французский.

Дома с отцом и матерью они говорили на финском. Теперь на финском. Ведь в первые годы после переезда мама ввела правило общаться на испанском, чтобы побыстрее его освоить. А сейчас, наоборот, хотела сохранить финскую культуру в отдельно взятой семье. В Барселоне было мало соотечественников. Большинство перемещенных финнов осели в странах Скандинавии, на той же широте, просто подальше от зараженного Мордора, как теперь называли то, что осталось от России. Некоторые, конечно, остались на родине. Даже в Хельсинки теплилась какая-то жизнь. Но его родители

приняли решение перебраться в Испанию. Отец взвешивал недолго и, как оказалось, верно. Для Тойво тут была определена кафедра славистики в Барселонском университете, куда он удачно и попал после школы. Мама, фармацевт из Миккели, смогла стать фармацевтом и в Барселоне. А больше всего повезло отцу. На родине Антеро Саволайнен был фермером, причем не очень старательным и скорее продолжал по наследству дело дедушки. Но в Испании, которая из-за ядерной зимы перестала быть солнечной и жаркой, навыки отца выращивать овощи в северных широтах пригодились как нельзя кстати. Он поленился обустраивать собственную ферму, а просто устроился агрономом в большое хозяйство в предместьях Барселоны.

Вечером родители вернулись домой. Мама была всё так же насторожена. Отец, напротив, бодр и оптимистичен. Синоптики подтвердили хорошие прогнозы на предстоящее лето.

– Рискнем в этот раз высадить экспериментальную партию томатов без теплиц на солнечном свете. Рассада уже дала всходы, через неделю пересаживаем в открытый грунт. Кто знает, дорогие, может, в августе мы с вами искупнемся в море! Четырнадцать лет жить на средиземноморском побережье и ни разу не зайти в море! Конец нашим страданиям!

Тойво улыбнулся. Отец на этой своей работе уже давно переопылился с испанцами и сейчас разговаривает так же как

они. Машет руками и вальяжно растягивает окончания слов. Мама тем временем выставила весь ужин на стол, присоединилась к ним и начала издали.

– Искупаемся же, сын? У твоих студентов каникулы?

– Обязательно, мам.

– Как Париж?

– Там всё по-прежнему. Серый снег, цветные лужи. А если ты про мои переговоры, то меня приглашают на работу в университет Новая Сорбонна. Точнее даже не в Университет, а в проект букморфинга русской литературы под началом профессора Эганбюри. Работа прямо в Париже. Год, может, два.

– Переделка русских книг? Как странно. Зачем это французам?

– Не французам. Это грант Евросоюза в целях популяризации и сохранения русской культуры.

– Культуру не переделывают. Тебе не кажется?

– Я думал об этом. И думаю до сих пор. Однозначного своего ответа Эганбюри я не озвучил, хочу посоветоваться с Вальдесом.

– Кстати он звонил. И что странно прямо мне на работу. Уточнял, когда ты вернёшься. Точнее так: звонил, чтобы поинтересоваться лекарством от простуды, но когда он спросил о тебе, я поняла, что это главное зачем он связался со мной.

– Очень странно, я всё это время был на связи.

Отец, активно жевавший салат, многозначительно поднял

вилку в воздух, поставил таким образом паузу в разговоре, дожевал, сглотнул и вставил:

– Действительно, странно звонить моей жене по надуманным поводам. А что тебе заплатит Евросоюз за столь тяжёлый труд, как гальванизация трупа русской культуры?

Тойво назвал сумму. Отец перестал жевать, подпер верхнюю губу нижней, посмотрел на мать и одобрительно кивнул. Та никак не среагировала, и Тойво решил сменить тему.

– А вы слышали что-нибудь, про то, что Руссильон был основан славянскими племенами?

– Что за чушь? Возразил отец, снова вернувшийся в роль истого каталонца. Не превращайся в этих фокстерьеров, которым везде видится русский террорист.

– Пап, а ты не знал, что и наш родной Миккели был основан русским царём?

– Доподлинно я знаю только то, что русские разбомбили наш родной Миккели во время Второй мировой.

Луис Вальдес, импозантный седовласый профессор и публицист, встретил Тойво на кафедре. В эти дни он писал очередную монографию, об этом легко можно было догадаться по царившему на его рабочем месте беспорядку. Множество книг, оргтехники, исписанных черновиков и пустых пластиковых бутылок. Однажды уборщик решил в отсутствие хозяина немного прибраться, ничего не выкидывал даже, а просто сложил бумаги и вещи профессора в аккуратную систе-

му. Но тем самым нарушил некую систему самого Вальдеса, получил гневную отповедь, и больше на эту территорию не заходил. Протирал только пол, ругаясь вполголоса на ту давнюю выволочку, и принципиально не трогал даже бутылки и остатки еды.

Довершал картину беспорядка ещё полумрак. Вальдес говорил, что не может смотреть в окно на свою Испанию после ядерной зимы. Жалюзи на кафедре были давно и навсегда закрыты. Исключение выпросила себе лишь ассистентка Моник, чтобы поливать свои горшечные растения, её окно поэтому было приоткрыто наполовину, но заставлено зеленью. Основное освещение кафедре давали лишь неяркие светодиодные панели на потолке. Когда вошёл Тойво, профессор не сразу узнал его в полумраке или не сразу вынырнул из своих монографических мыслей. Потом, наконец, вспомнил и ухмыльнулся:

– Вас, молодой человек, вероятно можно не включать в учебный план июля, и уж точно следующего учебного года? Вы покидаете нас?

– Профессор, я, собственно, пришел посоветоваться. Эганбюри передавал вам привет и рассказал мне про необычный проект, на который меня приглашает.

– Я знаю. Перебил его Вальдес. Букморфинг произведений Пушкина, Достоевского, Гоголя.

– Гоголь не включен в этот список. Перебил в свою очередь Тойво. Он украинский писатель.

– Вот как? Это тебе Эганбюри сообщил? Хотя, знаешь, это укладывается в общую канву. Гоголя объявят украинским, дадут его полякам для перевода. Ещё наверняка и Булгакова, рождённого в Киеве, хотя ни тот ни другой не писали на украинском. А вам, молодой человек, поручат переписать остальных.

– Это же не подмена, это вроде рекламной акции. Пройдут годы, и весь этот букморфинг отправится на свалку истории.

– Знаешь, в чем опасность Тойво? Недавно на одной лекции мне пришлось вступить в спор со студентом. Он был искренне уверен, что Фродо из Властелина колец на самом деле был гомосексуалистом и не мог определиться, с кем ему быть с другом-хоббитом или с другом-эльфом, как-их-там? Слава богу, в аудитории раздавался смех, значит, многие знакомы ещё с оригиналом. Но тому бедняге попалась книга из серии переделанных. Он принёс её на следующий же день. О-о, это был шедевр! Такой порнографии я ещё не видел. Ты понимаешь, что букморфинг лишь развлечение, да и то сомнительное, для тех, кто знаком с оригиналом? А ведь многие, особенно молодые, не видят разницы. Пометка «NE» на обложке книги для них невидима. Лена подозревает, что весь этот букморфинг большой заговор. Конечно, как и все русские, она подозрительна, но в её аргументах есть тревожный смысл. Давай, кстати, я позову её. Она тоже интересовалось, чего там задумали французы.

Лена была женой Вальдеса. Она приехала из России ещё

в молодости, работала в русской турфирме. И когда все произошло, она не воспользовалась минской репатриацией. Интуиция уберегла её. А может, уберёг сам Вальдес, когда устроил её вести курсы русского языка в своем университете. Так она стала Еленой Вальдес. Впрочем, она и не скрывалась, носила русское имя, говорила на русском, преподавала его. И все знали, кто она и откуда. Вальдесы хотели завести детей и, как и многие, пережидали зиму. Не хотели, чтобы ребенок рос в этом, временно испорченном мире.

Тойво был дружен с семьёй своего научного руководителя, в первую очередь, благодаря Елене. Она была носителем русского языка и довела его произношение до совершенства. Это её же оценка, которой очень дорожил Тойво. И она же стала для него олицетворением той беды, которая случилась с Россией. Лена рассказывала ему о фантомной боли, когда у тебя нет родины и нет вообще всей твоей цивилизации. Финны, в большинстве своем тоже лишились прежнего места обитания и тоже тосковали. Однако их тоска не могла пойти ни в какое сравнение с тоской русских. Они лишились не только территории, они лишились нации, исторического будущего. Лишились себя. Представляя себя на этом месте, Тойво думал, что можно сойти с ума. Как сошел с ума космонавт Зыгарев, видевший уничтожение родины своими глазами, находясь на орбите. Но Лена Вальдес держалась молодцом, хотя на лице её, в её больших глазах навсегда осталась печать немислимой, неподъемной печали.

– Ну, здравствуй, дружок! сказала она по-русски, войдя в кабинет. – Ты теперь станешь парижской знаменитостью?

– Ещё решаю. Сеньор Вальдес пытается меня переубедить.

– Он ревнует тебя к Эганбюри. Вырастил первоклассного специалиста, а теперь без боя вынужден отдать тебя конкуренту.

– Он мне не конкурент поддержал русскую речь Вальдес. Мой французский тёзка Луи отличный эксперт в славистике, но для него язык всего лишь предмет, вещь, которую он препарирует, разделяя на морфемы и законы. Душа языка его не интересует. С таким же успехом он мог бы заниматься китайским или арабским. Но случайный жребий свел его со славянскими языками. Ты не задумывался, Тойво, почему Эганбюри не вызвал из Барселоны меня или Лену? Мы с ней слишком привязаны к русскому. Грантодателю этого не нужно, ему нужны такие как Эганбюри.

– И такие как я?

– Прости, но ты в представлении Эганбюри и его заказчиков абсолютно не русский человек. Ты какой-то скандинав, владеющий несколькими языками и умеющий читать и писать по-русски. В тебе увидели такого же бездушного исполнителя, который без сожаления переписет «Войну и мир» Толстого.

– Вы практически оскорбляете меня.

– Молчи, Тойво. Я знаю, что в действительности ты не

такой. И лишь поэтому отпускаю тебя в Париж.

Тойво растерялся. Он был готов отказаться от проекта если бы Вальдес не одобрил эту затею. Да даже если бы ничего не сказал вслух, а просто нахмурился уже тогда бы Тойво предпочел забыть Париж, Эганбюри и букморфинг. Но тут реакция обратная, судя по всему, у Вальдеса есть какая-то задумка.

– Вы хотите заслать меня в Новую Сорбонну в качестве двойного агента?

– Можно и так. Но тогда ты не агент Вальдесов, а агент мировой культуры. У тебя хватит ума понять, к чему идет дело. И может быть, хватит возможностей препятствовать уничтожению вслед за русскими ещё и их наследия.

– Не подумай, что у нас мания преследования. Сказала Лена Но у нас есть основания полагать, что происходит что-то неправильное и нехорошее. Луис сказал тебе, что у нас больше нет библиотеки?

– Что?! Тойво перед поездкой в Париж был в недельном отпуске и не знал последних университетских новостей.

– Комиссия ЮНЕСКО приняла решение сконцентрировать всю оставшуюся русскую литературу в нескольких хранилищах. Якобы для большей безопасности. Сборными пунктами в Европе стали Париж и Прага. Соответственно, наша картотека, а также мадридская, отправлены к твоему новому другу Эганбюри.

Только сейчас до Тойво дошел смысл снисходительной

улыбки француза, когда речь зашла о возможности дистанционной работы из Барселоны. Весь исходный материал теперь достался Новой Сорбонне. Но как это отразится на возможностях родной кафедры? Лена объяснила:

– Нам рекомендовано опираться на электронные версии. При этом кафедре поручено до начала следующего учебного года пересмотреть учебные планы и сократить часы русского курса. Упор будет сделан на другие славянские языки. Русский оставляют только для тех, кому нужно доучиться и как спецкурс по желанию для всех остальных. Теперь ты понимаешь цепь событий?

– Чтобы уничтожить электронные книги ядерная бомба не понадобится. Добавил Вальдес. Ты и твои парижские подельники исказите первоисточники. Бумажные версии останутся недоступными для широкой публики, а то и вовсе их сожгут. И потом, в один прекрасный момент, электронные книги подменяются на издания серии букморфинга. Лена, расскажи ему про музыку.

– Ты помнишь, Тойво, для закрепления произношения я давала тебе ссылки на русские песни? Так вот, я не заметила, но в какой-то момент они исчезли со своих серверов. С издевательским объяснением «изъято по требованию правообладателей». Давно уничтоженных правообладателей! Я списалась с некоторыми соотечественниками, многие в Европе и за океаном столкнулись с такой же проблемой. Но они же дали мне ссылки на некоторые китайские и бразильские

сервера. Хорошо, что я успела скачать кое-какую музыку, а заодно и фильмы. На всякий случай на внешние носители. Боюсь, доберутся и до остальных серверов. И скоро русская музыка станет коллекционной роскошью.

– Если не опасным артефактом. Внимательно глядя на жену, произнес Вальдес.

Они закончили. Повисла тишина, которую нарушил смех Тойво. Он старался смеяться легко и искренне, но в действительности выдавливал из себя эти звуки.

– Коллеги, ваша паранойя достойна восхищения. Скажите, степень доктора я получу, только если я поверю в вашу антирусскую теорию?

Вальдесы синхронно улыбнулись и профессор снова перешел на испанский:

– Свой заветный PhD вы, молодой человек, получите в любом случае.

Профессору Эганбюри он позвонил вечером того же дня. Француз коротко поприветствовал его согласие и попросил явиться уже к 1 июня. Неделя ушла у Тойво на то чтобы закончить текущие дела, встретиться напоследок с друзьями и объясниться с Ребеккой. Давно пора было это сделать, слишком очевидна была несерьёзность их отношений. Как и многие прошлые девушки, она попросту запала на необычную для средиземноморья внешность Тойво. Мама подтвердила эту догадку. А заодно и выдала причину своей насторожен-

ности в последние дни. Оказалась, что это вовсе не грядущее расставание с единственным сыном, а тот самый русский цвет волос.

– Тойво, ты же помнишь, что твоя бабушка, моя мать, была русской?

– Вот так откровение! Она же просто родилась там в посланной финской семье, или у нас есть родовая тайна, про которую я не знал?

– Марта по крови, конечно, финка. Но учти, она родилась в России, в Советском Союзе, ходила в русскую школу, воспитана в той атмосфере. И вообще прожила большую часть жизни там как Марина Леонидовна Муллонен, Мартой стала только после репатриации. А тот, кто родился в России русский. По мозгам, по поведению, по характеру. Ты думаешь, почему я такая вредная? В неё.

– Ты у меня добрая и справедливая. И если это влияние русского воздуха на финскую кровь, то мы с тобой нигде не пропадем.

– Добродушие это лапландская черта. Русские признаки это вредность, безволие и непредсказуемость. Тебя миновали эти пороки. Но твоя русая голова будет привлекать внимание. Если слухи верны, берегись фокстерьеров.

В самый последний день весны Тойво уехал во Францию.

2.

Стоун закурил вторую сигарету подряд. В этом дерьмо-

вом мире лучше дышать через фильтр. Пусть даже через фильтр сигареты. Он вышел покурить на побережье. На острове Кипр им, фокстерьерам, дали место на базе британских ВВС, подальше от любопытных глаз. Сами военнослужащие базы регулярно здоровались, но ни о чем особо не спрашивали. Не совали нос в чужие дела, молодцы. Возвращаться в здание Стоуну сейчас не хотелось, глаза жадно впитывали средиземноморский пейзаж. Конечно, это не то море, и не тот Кипр, что был раньше, но корки льда у берега уже не было, море плескалось.

И, безусловно, картина, стоявшая перед взором Стоуна, не шла ни в какое сравнение с лютым норильским пейзажем. Он проработал там три года. Честно, тяжело, осознавая важность своей миссии. Он и его люди сделали всё, что от них требовалось. И можно было бы сказать, что сейчас его отправили в местечко потеплее, но на самом деле здесь, на Кипре работа предстояла ещё масштабнее. И уж гораздо более изощренное, чем в Норильске. Там они трудились и существовали в обстановке строжайшей секретности. Никто в мире не должен был знать о том, где они. Лишь в будущем публичке объявят, что северное побережье России после многих лет работы ученых и экологов очищено. И лишь через пару лет признают, что там можно добывать полезные ресурсы. В действительности фирмы уже работают там, восстанавливают заброшенные заводы и фабрики, проводят новые бурения брошенных и забившихся скважин.

Конечно, никаких экологов в Норильске и в помине не было. Если не считать их, фокстерьеров, экологами человеческой расы. Север России вообще остался нетронутым. Взорван был Архангельск и Северодвинск. На востоке Петропавловск-Камчатский. Всё, что между ними сохранилось невредимым. Огромные просторы Сибири и Дальнего Востока. Радиационный фон там не превышал уровней Германии или Китая. Если не считать, конечно, принесенное реками дерьмо с юга. Но по официальной версии исламисты 15 лет назад побывали и на севере. Экие пронырливые исламисты усмехнулся сам себе Стоун не побоялись сибирских морозов и добрались даже за полярный круг. Один лишь космонавт Зыгарев видел своими глазами настоящую географию уничтожения России. Но его вовремя объявили умалишенным и убрали из публичного пространства. Вряд ли он вообще сейчас живой. Как, наверное, и его коллеги, бывшие в тот момент на орбите француз, два американца и какой-то кореец или японец.

Все они видели, как покраснела, затем побелела и потом навсегда осталась черной вся западная и южная часть России. Она слишком огромна, чтобы взорвать всю. Во-первых, адские авторы этого проекта просчитали риски, и если бы зарядов было вдвое больше, то цивилизации пришел бы конец. А во-вторых, именно северная часть хранила в себе ценные для человечества ресурсы углеводородов, металлов и прочих полезных ископаемых.

Поэтому заряды были заложены в больших городах и густонаселенных провинциях. Русские в этом плане примитивны, они жили поближе к Европе и возле железной дороги в южной части своей страны. Процентом девяносто таким образом было уничтожено. За выжившими северянами был отправлен флот якобы всех ближайших стран. На самом деле оставшихся русских эвакуировал американский флот. Под предлогом надвигающегося ядерного облака американцы явились как спасители норильчанам, воркутянам и анадырцам. С Курильских островов эвакуацией занимались японцы. Кто не хотел, того эвакуировали насильно. Сибиряков свозили в Аляску, но по пути наверняка несколько ледоколов пустили на дно вместе с пассажирами. Может быть, и всех утопили бы прикидывал Стоун. Но, то ли, из-за политических аспектов, то ли из-за космонавта Зыгарева, который с коллегами ещё не скоро мог бы спуститься с небес, но наговорил бы лишнего, часть русских северян США всё-таки победно спасли и перевезли на свою территорию. Все они потом также добровольно-принудительно, по строгому учету были высланы в Белоруссию.

Белорусский маневр восхищал Стоуна. Жаль, что он не был соучастником этой операции, их фирму ещё не привлекли на тот момент, но то, что это была операция, мастерски разыгранная несомненно. Наверняка у неё было какое-то характерное название вроде «добить медведя» или «минские грибы». Если бы этот вопрос доверили Стоуну, он бы выбрал

последний вариант. Урожай грибов от ядерных взрывов оценили бы многие.

– Стоун! Мы закончили, можешь продолжать! Окликнул его из окна Керим. Его новый сотрудник в статусе заместителя. Стоун вернулся в свой кабинет. Люди Керима сматывали остатки кабелей. Все ещё малознакомые между собой. Стоуну предстояло наладить контакт.

– Наставили мне тут жучков, айтишники чертовы?

– Хотели, но вспомнили, с кем имеем дело. Отшутился Керим. И пригласил Стоуна к его ноутбуку. Теперь мы в единой сети. Вот тут установлена программа, которая позволит вам, наоборот, следить за нашей работой. Чтобы мы не ленились.

– Мне будет проще самому спуститься на этаж и надавать под вам зад, если будете лениться.

Это была явно казарменная шутка, к которым мягкотелые айтишники ещё не привыкли. Они угодливо заулыбались, но были настороже. Придётся придумать для них шутки попроще.

В Норильске у Стоуна не было никаких айтишников. Были только проверенные вояки, следопыты и убийцы. Большего не требовалось. Русские эскимосы не пользовались интернетом. Они доили и жрали своих оленей. Пещерные люди. Некоторые даже по-русски не понимали. Можно было не тратить на них патроны, но условия контракта требова-

ли уничтожать всех. Попадались, конечно, и настоящие русские. Среди которых были такие же первобытные, бородатые охотники-староверы. А были вполне цивилизованные группы и даже целые селения, живущие, как ни в чем не бывало. Все они были разрознены на больших расстояниях в тайге и тундре. И всех нужно было найти и уничтожить. По многим, выборочно, прошлись до Стоуна военные, в первые годы. И этим только испортили ситуацию. Среди выживших русских распространились слухи, что их добивают. И к приезду частной военной компании «Фокстерьер», в которой и трудился Стоун, многие аборигены уже готовы были дать отпор. Впрочем, фокстерьеров это только воодушевило. Одно дело чувствовать себя убийцей, выжигаящим дома и деревни с бабами, стариками и детьми. Другое дело чувствовать себя настоящим охотником, ведущим борьбу с опасным и вооруженным противником.

Хотя какое там вооружение у русских? Охотничий карабин и дробь? Против тепловизоров, приборов ночного видения, беспилотников, вертолетов, снегоходов, мощной оптики и крупнокалиберных пулеметов Стоуна? Ни одного убитого сотрудника у Стоуна за три года не насчиталось. А вот у коллег в Сабетте на Обской губе, западнее, такие оплошности случались неоднократно, русские завалили там несколько фокстерьеров. Поэтому руководителя сабеттского «газового» сектора, негра Харриса, отправили сейчас неизвестно куда, Стоун же заслужил более теплое местечко на Кипре.

Теплое, но очень сложное. После зачистки самой России от остатков русских, теперь, когда там работают концерны, выкачивая газ и выковыривая металл, «Фокстерьер» в Сибири уже не нужен. Там достаточно штатной охраны. Фоксам же теперь дали задачку поделикатнее. Теперь нужно зачистить здоровую часть мира уже от официальных русских, живущих в Европе, в США, в Азии, где угодно. Эти гады в свое время расплозились по всем уголкам мира.

По прикидкам Стоуна и его сотрудников взрыв непосредственно России избавил мир от 140 миллионов русских. Шестьсот восемьдесят тысяч были эвакуированы первоначально на Аляску, в Канаду, Швецию и Японию. Следом была запущена пропагандистская кампания «возрождения русской нации». Весь мир скинулся на строительство в Белоруссии новых поселений для выживших. Президент Белоруссии с лучезарной готовностью согласился возглавить новый русский мир и приютить братьев. Чего ж не согласиться за чужой счет? В короткие сроки были отстроены новая Москва, новый Петербург и ещё какие-то городишки и через полтора года выживших русских, опять же добровольно-принудительно, спровадили в Белоруссию. Туда же, возрождать нацию, отправили по возможности и всех остальных русских, которые еще до всех этих событий расселились в разных странах мира. Дипломатов и их семьи, торговых представителей, деятелей культуры и спорта, которые гастролировали в момент взрыва России и прочих экспатов, доброволь-

ных и вынужденных. По официальным данным возродить нацию в Белоруссию переехали 470 тысяч бывших россиян. Они заселили новые города, весь мир помогал им словом и долларом, белорусский президент счастливо хлопотал об удобствах новоприбывших. Но дальнейший прирост в рамках минской репатриации замедлился. Наверняка самые прозорливые русские почуяли подвох.

Через год и десять месяцев абсолютно по той же схеме «исламских мстителей» были взорваны города Белоруссии. Погибли и 470 тысяч новоселов и 10 миллионов самих белорусов, которые мало чем отличались от русских. А значит, живыми где-то в других странах мира остались 210 тысяч русских. Плюс те, кто изначально сбежал из России и проживал в Германии, Чехии, Франции, Британии, США и так далее. Огромная русская диаспора засела и здесь, на Кипре. Европейский офис «Фокстерьера» разделил своё присутствие на три зоны. Восточно-Европейское бюро, Западно-Европейское бюро и отдельно средиземноморское побережье. Его-то и возглавил переведенный из Норильска Стоун.

В зоне ответственности Стоуна были Испания, Лазурный берег, Италия, Греция, Турция, Кипр и формально африканское побережье. Но там уже давно не сыщешь настоящего русского. Одна из самых больших диаспор обитала именно на Кипре. Здесь, фактически в логове врага, разместили сре-

диземноморское бюро «Фокстерьера». Стоун разделил своих людей на оперативные группы в Испании, Италии, Греции и Турции. У них были пока штучные задачи, точечная ликвидация отдельно живущих объектов. А Кипр, в этом смысле был целым рассадником целей. Здесь русские жили открыто, вольготно и чуть ли не на правах хозяев. Им без войны удалось то, что не удалось в свое время туркам захватить Кипр целиком. Русские держали на острове бизнес, имели свои школы, проводили свои мероприятия, содержали свои СМИ.

С одной стороны это облегчало задачу Стоуна, все было на виду, русский анклав четко просматривался. С другой стороны задача поставлена однозначно: физическое устранение сорока семи тысяч русских киприотов. Своих ядерных бомб у фоксов нет. Эта возможность была только у предшественников, кем бы они ни были. Весь мир давно подозревал, но вслух не говорил а Стоун знал наверняка, что никакие это не исламисты. Ему приходилось сталкиваться с арабами. Да, бывают фанатики. Да, с финансовой и административной поддержкой они способны на многое. Но никогда они не смогли бы доставить, разместить, сохранить некоторое время, а потом одномоментно подорвать десятки ядерных зарядов.

Официальная версия гласила, что высокоорганизованные группы исламских фундаменталистов смогли раздобыть в Пакистане и Иране некие малогабаритные ядерные бомбы.

Сами и через своих агентов в течение нескольких месяцев они доставляли заряды внутрь России. Где-то под видом товарной продукции, где-то с помощью взяток, а где-то в лобовую проникая через границу, они разместили бомбы в крупных городах. И когда настал час Икс а впоследствии даже показывали «найденное» видеообращение какого-то главного исламиста, дающего команду смертники привели в действие все бомбы. Россию стерли в атомный порошок. Правовверные были с лихвой отомщены.

Стоун был уверен, что в реальности ни одного араба к этой масштабной операции не привлекали. Он сам бы точно не привлёк, слишком ненадёжный ресурс. А в остальном примерно так всё и было. Были портативные ядерные бомбы, самые современные разработки, а вовсе не иранское ба-рахло. Была доставка через порты и пограничные станции под видом импортируемого оборудования. Было многомесячное, а то и многолетнее накопление и хранение этих закладок на арендованных складах, прямо в черте российских городов. Была и российская коррупция, которая всё это допустила. Была и одномоментная детонация, возможно, со спутника или вообще через интернет-каналы.

Официальную версию с исламским следом на международном уровне пытался оспорить только Китай. Там понимали, откуда ноги растут. Китайцы вообще были в неописуемом гневе от уничтожения России. Не столько от любви к русским, сколько от понимания того, насколько уязвимыми

могут быть и они. И оттого, что кто-то присвоил себе право использовать ядерное оружие. Это ведь было посланием и для них. Тем более что часть территории Китая пострадала от взрывов во Владивостоке и Хабаровске. Близ границы с Россией погибли тысячи китайцев, не говоря о том, что многие территории этой густонаселенной страны оказались заражены и непригодны для жизни.

Именно китайский руководитель в первые дни поставил очевидный вопрос перед мировой общественностью: почему выжил мир? Почему русские не ответили? Ведь далеко не секрет, что система ядерного сдерживания предполагала автоматический запуск ядерных ракет в ответ на атаку российских территорий. Не могли террористы уничтожить одновременно все пункты запуска и центры принятия решений русских. Ракетные шахты строго охранялись, находились в неизвестных местах. Стратегическая авиация и флот, в особенности, подводные лодки были рассредоточены по всему миру. Какой террорист, пусть даже высокоорганизованный и финансово обеспеченный, сможет отследить нахождение субмарины в мировом океане? Отследить, да ещё и уничтожить? Почему ни одна русская ракета так и не была запущена?

Лишь тогда альянс НАТО вынужден был «признать», что зная о потенциале ядерного ответа, зная о прямых инструкциях для капитанов и командиров русской армии и флота, силы НАТО были вынуждены уничтожить уцелевшие воен-

ные единицы России в нейтральных водах Тихого, Атлантического, Северного ледовитого и Индийского океанов. На архипелагах Арктики, на рейдах Балтики, на островах Юго-Восточной Азии, на антарктических станциях, на базах средиземноморья. И тем, дескать, спасли мир. Никого не смущала оперативность натовцев. Ведь если поверить в террористическую версию, то времени чтобы понять, что произошло, принять решение и отправить силы для уничтожения остатков русского флота понадобилось бы несколько дней. За это время те самые секретные инструкции для ответного удара русскими уже давно были бы выполнены. Даже если это и были террористы, то действовали они синхронно с натовцами.

Стоун неоднократно слышал легенду, гуляющую в кругах военных и спецслужб про инцидент в Сан-Диего. Через 50 дней после уничтожения России и её флота на эту крупнейшую базу военно-морских сил США к полной неожиданности американцев прибыла русская подлодка класса «Мурена». С полным экипажем в сотню человек. С полным снаряжением более десятка баллистических ракет. Всех отследили, а эту пропустили. Подлодка несла дежурство где-то в центре Тихого Океана, потеряла все каналы связи, не нашла ни вспомогательного флота, ни сигнала со спутников. Экипаж принял решение вернуться в дальневосточный порт, но там их ждала только разруха и радиация. Ничего не понимая и только догадываясь, капитан субмарины принял реше-

ние уйти к побережью Мексики и там хотя бы через сотовую связь узнать что происходит. План удался и шокированные русские моряки, не веря лентам новостей, отправились в Сан-Диего к американцам. Не мстить, а сдаться на милость судьбы. Всё это рассказал капитан той субмарины Бочкин. Здесь рассказчик этой легенды обычно презрительно добавлял: человек, не выполнивший приказа, не сделавший запуск своих ракет по утвержденным целям. Трус.

Бочкина и его команду, конечно же, пустили в расход. Об этой истории широкая общественность так и не узнала. Широкая общественность, в том числе и через некоторое время Китай, приняли исламско-террористическую версию. Примечательно также, что после уничтожения России, после трёх дней темноты на всей планете, нескольких недель паники и тотального страха, после целой серии экстренных заседаний мировых правительств, «оонов» и прочих, после даже быстрого разбирательства и назначения виновных в лице исламского фундаментализма никто так и не взялся за ликвидацию угрозы. Удивительно, ведь если в общежитии появляется убийца, то после первого убийства соседи должны быстро найти и обезвредить угрозу. А не заниматься похоронами убитого. Но все заседания, все международные организации и все журналисты взялись за спасение выживших русских и последующее переселение их в Белоруссию. И лишь через два года промедлений, когда было уничтожено и это, второе государство, мировые правители спохватились и дожали

исламскую угрозу. Разбомбили Иран, Афганистан, Сирию и объявили, что исламский фундаментализм ликвидирован. А ведь, и правда, с тех пор арабы тише воды ниже травы. Никаких черных флагов, головорезов и джихада. Сунниты подружились с шиитами, курды с алафитами, все вместе они забыли про евреев и Ближний Восток впервые за десятилетия исчез из информационных сводок.

Стоун знал, что все эти исламские проекты были на сто процентов управляемы. Поэтому не бомбежки террористических бункеров решили проблему, а простое включение режима «офф». Как там у классиков Мавр сделал свое дело, Мавр может отдыхать? Арабы сыграли свою историческую роль и теперь могут вернуться к своим верблюдам и минаретам. Дешево отделались.

Кто в действительности стоял за уничтожением России Стоун не знал. Сначала он с интересом изучал конспирологические версии про ЦРУ, США, НАТО, Букингем, Бильдербергский клуб и прочих масонов. Но потом, когда понял, что развитие этих версий в интернете тоже носит управляемый характер, что всё это «вбросы» на любой вкус плюнул и отошел в сторону, лишь аплодируя гениальному замыслу.

Официальное исчезновение исламского фундаментализма для него означало только, что этот фактор нельзя использовать в дальнейшей работе. Разгневанные фанатики не могли напасть на русскую диаспору на Кипре. Они официально

закончились. Нужно проявлять креатив. Удар, по возможности должен быть разовым и масштабным, это понимали все сотрудники бюро. Если начать отстреливать поодиночке, то объекты разбегутся или поднимут волну протеста. В мировом медиапространстве сожаление и сочувствие русским уже стало исчезать. Напротив, зарождалась контр-волна «русские жаждут мести и реванша». Эту, пока едва заметную волну нагнетали некие большие силы, в чьих руках были основные СМИ. И эту же пропагандистскую политику, в небольших объемах проводила сейчас и сама ЧВК «Фокстерьер». Такую информацию прислали Стоуну из центрального офиса. Всё верно, должно быть взаимодействие: люди Стоуна находят факты, передают их пиарщикам, те обрабатывают общественное мнение и Стоун спокойно уничтожает объекты. Осталось лишь найти зацепку для русской диаспоры на Кипре.

Зацепку должны были найти сотрудники Керима. Сами себя они называли не аййтишниками, а аналитическим отделом. Стоун немного презирал их работу: сидят целый день у компьютеров, бродят по социальным сетям, читают переписку, изучают слабые места русских и возможности для удара. Всё дистанционно, работа непыльная. Стоуну не хватало своих друзей-головорезов, с которыми они работали в Норильске. Все они сейчас были заняты в индивидуальном режиме в других странах. Контакты с ними были минималь-

ны. Раз в несколько дней от той или иной группы по шифрованным каналам приходили запросы на финальную санкцию мол, выявили Иванова Ивана Ивановича и его семью, есть возможность устроить случайное возгорание дома.

Эти запросы дублировались в центральное бюро, но финальную санкцию давал Стоун: «Исполнить». Центр лишь периодически присылал коррективы вроде «сделать акцент на пропажах без вести». Резонно. Частая зримая гибель русских в автокатастрофах и сгоревших домах будет бросаться в глаза. Лучше перехватить объект где-нибудь в путешествии по горам, без свидетелей. Никто потом не будет разбираться, погиб Иванов или просто уехал в другой город. Возникает проблема с трупами. Люди Стоуна уже отвыкли от необходимости прятать концы в воду. В Норильске было проще, первоначально от них требовали закапывать объекты после уничтожения, но европейские умники не знали ничего о вечной мерзлоте в Сибири. Поэтому на директивы там они плевали, оставляя трупы на месте. Медведь съест.

В Европе медведей давно не было, от трупов надо избавляться. Но Стоун за это не переживал, в «донорильский» период его люди таким уже занимались. Белоручки из центрального офиса слишком преувеличивают грубость его, стоуновских, людей. Пропажа без вести так пропажа без вести, сделаем. Пока, по крайней мере, отдел разъехавшихся по точкам головорезов показывает большую эффективность, нежели отдел айтишников. Но формально Стоун здесь, на

Кипре, с айтишниками. И он должен показать своим людям, что не сидит без дела. День заканчивался и по негласной недавно заведенной традиции вошел Керим для блиц-отчета.

– Локальная сеть настроена, необходимые программы вам установлены. В том числе и мессенджер, рекомендованный нашим центральным офисом.

– Это всё понятно. Что по основной части?

– Мы продолжаем уточнять базы данных по проживанию и трудоустройству наших целей. Параллельно составляются психологические портреты обозначенных вами потенциальных и действующих лидеров русской общины. Их увлечения, пути передвижения, контакты.

– Помощь наружным наблюдением вам всё ещё не требуется?

– Стоун, при всём уважении к вашему опыту, оно и не потребуется. Всё необходимое и даже больше, чем позволяет личный визуальный контакт, мы можем определить, не покидая базы. Вплоть до сексуальных и пищевых пристрастий. Трекинг обеспечивает нам постоянный контроль за местонахождением. Если хотите мы выведем все 40 тысяч объектов на один большой монитор.

– Почему только 40 тысяч?

– У малолетних нет гаджетов. Камеры наружного наблюдения в общественных местах, прослушка звонков и чтение сообщений не оставляют целям укромного места. Мы видим

всё.

Стоун стерпел. Айтишник поставил его на место. Наружное наблюдение это, видите ли, вчерашний век. Молокосос.

– Керим, вы просматриваете миллиарды байтов, но не можете разглядеть ни одной зацепки. Какой смысл в этих точках, суесящихся на экране? Какой смысл в том кого они трахают и что едят, если мы видим все это со стороны? Нужен личный контакт. Я запрошу разрешение на внедрение нашего сотрудника в диаспору. Ваших айтишников мне для этого не надо, только наломаете дров. Продолжайте уточнение баз данных. Если руководство позволит, я сам выйду на оперативную работу в контакт с русскими. Поверьте, я не принижаю значимость вашей работы, наверняка все это пригодится уже совсем скоро. Просто я устал сидеть тут без дела и следить за вашей, не очень понятной мне работой.

Стоун сам удивился, как произнес все это, почти без ругательств и без давления. Словно какой-нибудь офисный клерк, а не опытный убийца. Керим оценил спокойный тон руководителя, попрощался и вышел.

Идею внедрения Стоун замыслил давно. И хотя Керим никак её не прокомментировал, Стоун сделал вывод, что тому понравилось. Теперь надо составить в центр аргументированный запрос на возможность внедрения. И тоже без ругательств.

К середине осени Тойво уже окончательно освоился на новом месте. Здесь было заметно холоднее, чем в Барселоне, но для финна это не было проблемой. Французский язык давался ему, как и ожидалось легко. Для проживания ему предложили либо съемное жильё в пригороде, либо кампус университета в центре Парижа. Тойво не хотелось скоро прощаться с молодостью и студенческой жизнью, поэтому он выбрал кампус. По большому счету Тойво впервые выбрался из-под опеки родителей, отдельно он никогда не жил. Но отец с матерью уже освоили маршрут и два раза навещали его, после того как у отца закончилась уборочная.

Проект, в котором был задействован Тойво, по-прежнему вызывал у него недоумение. Но теперь добавилось новое неприятное чувство, когда тратишь большое количество времени и сил, не очень понимая, к чему все это приведет. Они не то чтобы топтались на месте, но было непонятно, куда движутся, что должно стать результатом работы. Формально это будут новые книги из серии букморфинга, несколько крупных произведений нескольких крупных русских писателей. Однако в какую сторону нужно переделывать сюжет, как оказалось, никто не знает. Ни профессор Эганбюри, ни остальные его коллеги.

Пока их разделили на несколько групп, каждой досталось произведение Набокова из русскоязычного периода жизни писателя. В группе Тойво помимо него работали ещё трое. Поляк Ян Бузек, известный варшавский славист и филолог.

Француженка с кафедры Эганбюри, методистка Инес Кювье. И переводчик, британец Колмар. Предполагалось, что Бузек и Тойво будут выполнять литературную часть, быть соавторами нового произведения. Методистке досталась скорее организационная функция, снабжение, уточнения и корректура. Колмар же должен переложить результат работы на английский язык.

Бузек, впрочем, быстро подмял литературную работу под себя, здесь он доминировал и для Тойво оставил лишь функцию скептика. Фантазируя в начале работы о возможных вариантах развития сценария и пытаясь обсудить их с группой, Бузек быстро понял, что француженка и британец предпочитают отмалчиваться, а финн воспринимал всё в штыки. Им достался роман «Защита Лужина». Сначала поляк предлагал сделать главного героя суицидником, которого спасла игра в шахматы. То есть переставить всё с ног на голову возражал Тойво. Тогда Бузек предложил переписать концовку романа в стиле хеппи-энд. На это Тойво заметил, и Эганбюри поддержал его, что это будет слишком примитивно и не внесёт художественной ценности в первоисточник. В итоге решили вклинить в сюжетную линию произведения детективную составляющую. Лужин должен был стать агентом сталинского НКВД. Не меньший бред рассудил Тойво, но больше возражать не стал, надо было двигаться хоть куда-то.

На общих планерках узнавалось, что другие группы пошли вообще по порнографическому пути, развивая в рома-

нах Набокова запретные для двадцатого века темы. То, что считалось в «Лолите» или «Камере Обскуре» намеком на педофилию или адюльтер теперь выпячивалось и заменяло основные смыслы произведений. Так что детективный акцент, выбранный их группой, казался Тойво не таким страшным литературным преступлением на фоне прочих.

Эганбюри чувствовал внутренний бунт Тойво, но относил его на счет Бузека. Думал, что поляк слишком резко захватил лидерство в группе и гнет свою линию, раздражая финна.

– Попробуйте с ним подружиться. Бузек увлекается мотоциклами, а вы? Нет? Тогда просто выпейте с ним водки. Поляки считают, что это их национальный напиток. Полагаю, что если вы заденете эту струну, похвалите, например, русскую водку, то Бузек с готовностью и наглядностью начнет вас переубеждать. Наверняка это будет интересная попойка Эганбюри даже воодушевился если буду свободен, готов составить вам компанию и выступить в качестве рефери.

– Это будет похоже на анекдот. Отшутился Тойво. Ему пока не хотелось выпивать с Бузеком Собрались как-то француз, поляк и финн, пить русскую водку Скорее всего, после этого мы обрусеем и придем к тем же выводам, что и Набоков. Работа встанет.

–Ха-ха-ха! Вот вам и концовка анекдота «Выпили русской водки и написали русский роман». Если серьёзно, Тойво, сходите на лекцию Бузека. Пользуясь его временным пребы-

ванием в Париже, мы привлекли его к проведению спецкурса в нашем университете. Как раз на тему русской литературы. Вы знаете, это очень интересно, аудитории всегда полные. Бузек прекрасный рассказчик.

Про эти лекции Тойво уже слышал от соседей по кампусу. Отзывы были восторженные. Почему бы и не сходить? Возможно, Бузек, как коллега-славист, откроется с другой стороны. А может, и откроет что-то новое. Ведь поляки это те же славяне и, может, способны понимать родственный язык русских писателей как-то изнутри?

Аудитория, действительно была полна народу. Здесь были и первокурсники, для которых спецкурс Бузека сделали обязательным, и старшие курсы, и вольные слушатели. В том числе преподаватели с посторонних факультетов. Бузек явно наслаждался популярностью, делая снимки для своего аккаунта и встречая с приветливой улыбкой каждого опоздавшего. Тойво постарался не попасться ему на глаза, поднялся на галёрку и встретил здесь Дэйва, который трудился в одном с ним проекте, но в составе другой группы букморферов. Тот, вероятно, тоже не хотел попадаться на глаза Бузеку. Дэйв коротко кивнул и пригласил Тойво усесться рядом. У них было шапочное знакомство, пересекались на общих планёрках. И кем именно был Дэйв по своей должности и даже по национальности, Тойво не знал. Какой-то коллега, лет сорока, с акцентом говорящий на английском.

Бузек тем временем, стоя за трибуной, рассказывал, что русские писатели как и любые другие, отражали жизнь своего общества и душу своего народа. И насколько противоречивой и запутанной была эта душа, настолько сложными и многогранными являются произведения Достоевского и Толстого, Солженицына и Булгакова. Это непростая литература, она не предполагает простых ответов. И даже больше: она вообще не предполагает ответов. А учитывая, что русские писатели всегда сильно привязываются к контексту, ко времени и ситуации описываемых событий, то читателю сложно найти что-то созвучное с нынешними реалиями. Москва Чехова, Петербург Толстого и провинция Тургенева по большому счету зарисовки непонятной прошедшей эпохи. Такие же, как Древний Рим или Средневековье. Даже если брать что-то посвежее, то Солженицын, Рыбаков и прочие писатели тоталитарного Советского Союза плохо понятны современному жителю демократических государств.

Бузек уверял, что неизменные спутники русской литературы тоска и уныние, но не пассивно-настроенческие, а как предвестники бунта или революции. Одни писатели лелеяли смену общественно-политического строя, и тем вдохновлялись. Другие писатели, наоборот, питались русским бунтом, каким описал его Пушкин, бессмысленным и беспощадным, находя здесь крушение судеб и неожиданные повороты сюжетов.

Но вдохновляясь извечной анархией такие писатели, бу-

дучи авторитетами, и сами вдохновляли читателя на бунт против системы. Этот нескончаемый круг самоуничтожения замкнулся 15 лет назад. И хорошо, что замкнулся в самой России, не уничтожив брызгами ядерной смерти всю планету. Но вот парадокс: в безроссийском мире, без носителей культуры, в этом цивилизационном вакууме до сих пор существует русская литература. Крутится как маховик без нагрузки. А вместе с ней существует и «эйцехоре» тут Бузек поднял палец, акцентируя момент на непонятном для аудитории слове, и пояснял это еврейский термин, который ввел в широкий оборот русский писатель-мистик Даниил Андреев. Дословно эйцехоре означает семя зла.

– Дурное начало. Первородный грех. Поправил его вполголоса Дэйв. Тойво обернулся на соседа и только сейчас увидел, что Дейв глядит на лектора с кривой пренебрежительной ухмылкой. С такой же, которую хотелось бы изобразить самому Тойво, если бы не риск быть увиденным Бузекком. Но тот продолжал упоенно объяснять про эйцехоре, которое применительно к русской литературе означало сокрытый в ней посыл к бунту, непокорности и непредсказуемости.

Еще немного и он разведет здесь костёр с призывом сжигать русские книги подумал Тойво. И эта же мысль возникла не только у него.

– Так вы считаете русскую литературу вредной и опасной? спросил кто-то, пока Бузек отпивал воду из стакана.

– Отнюдь. Я имел в виду крупнейших представителей

этого культурного пласта. Тех, кого принято считать авторитетами. Русские обогатили мир всевозможными жанрами и стилистическими приемами. Почитайте Чехова, даже без привязки к быту царской России, это универсальный понятный всем юмор. Почитайте Пастернака, породившего поэзию в прозе. Почитайте Бунина и Куприна, никто лучше них не описывает, что такое любовь. Но именно рассказы. Ведь как только русский садится писать большой роман и пускается в рассуждения, то тут же появляется и зреет то самое эйцехоре, зло, самобичевание, бунт и анархия.

Это можно было бы оставить на совести самих русских, но ведь нет: русским всегда было тесно на ограниченном пространстве. Недаром они в свое время захватили самую большую территорию. Успокоили свою плоть, но не успокоили душу, неся свои идеи по всему миру. Ведь ещё одна роковая особенность русской литературы это мессианство. Этим страдали все. И Гоголь с Лермонтовым. И Пушкин с его «самостоянием». И Гумилёв с его теорией пассионарности русского народа. И Достоевский вспомните его «народ-богоносец». И Тютчев, который уверял читателя, что у России «особенная статья». Это мессианство отводило русскому народу роль спасителя мира и конкретно спасителя западной цивилизации. Правда, от чего именно они собирались нас спасать, никто никогда не разъяснял. Всё это оставалось в области чего-то мистического и провиденциального.

Окей, вы избранный народ, тогда сидите себе тихо-мирно

и гордитесь собой в пределах своего дома. Как евреи, знаем мы и таких избранных. Тут Бузек лукаво подмигнул аудитории. Раздались смешки, и что-то неуловимо гневное мелькнуло на лице сидящего рядом Дейва. Только сейчас Тойво стал догадываться про национальность соседа. И ведь точно. на общей планёрке в самом начале Дейва представили как специалиста из Израиля. А Бузек тем временем уже заканчивал.

– Но ведь история знает и другие примеры агрессивного поведения богоизбранных народов. Вспомните, чем кончил третий рейх в Германии? К сожалению, у русских короткая память, их существование всегда было цикличным, они наступали на одни и те же грабли. И история устала их учить, а попросту наказала, преподнеся урок всем остальным. Тут я приведу ещё одного русского писателя, Петра Чаадаева, который пророчески называл свою страну Некрополисом. Он полагал, что Россия существует лишь для того, чтобы преподать миру какой-то важный урок. И угадал: этим уроком стало само исчезновение России.

– Да пошел ты на – Изрек вдруг Дейв, так же вполголоса, что услышал его только Тойво. Что именно он сказал, осталось непонятным. Это прозвучало как русский язык, и первую часть Тойво разобрал, но концовка казалась незнакомой. Вероятно, Дейв ответил Бузеку что-то на его родном польском. Контекст и эмоция, впрочем, угадывались. Этот, кажется еврей, всё больше занимал внимание Тойво. И по-

сле окончания лекции он поинтересовался у Дейва впечатлениями. Тот, однако, упрятал поглубже свою эмоциональную бурьку и ответил сухо:

– Вашей группе достался отличный идеолог.

– Я сам впервые вижу Бузека в такой роли. И мне теперь понятно многое в его мотивации работать в проекте.

Было заметно, что Дейв не спешит выкладывать свои карты. Принимает Тойво за соратника Бузека.

– Удивительное дело. Всё же продолжил Тойво После услышанной лекции о русской литературе у меня не возникло желаний почитать что-нибудь из этой самой литературы. Не только потому, что я не услышал новых имен или новых книг понятно, я и так славист а уже по тому, в каком контексте всё это преподносилось. Оказывается, это зло, эйце хура?

– Эйцехоре. Вы переврали слово, а господин Бузек переврал всё понятие целиком. Писатель Андреев вкладывал в него совершенно иной смысл, это изначальное зло, заложенное и дремлющее в каждом человеке, а не только в русских писателях. Точно так же Бузек исказил под свои нужды пушкинское слово «самостоянье».

– Это не было оговоркой? Признаться, я слышу такую формулировку впервые.

– И я тоже. Но успел подсмотреть в интернете и правда «самостоянье» упоминается Пушкиным на черновике к своему стихотворению. Потом поэт его всё-таки не использовал, но историкам удалось найти черновик. И Бузеку, надо при-

знать его умение работать с первоисточниками, тоже попало это словцо. Но посмотрите на контекст, вот. Дейв протянул свой планшет с найденным в интернете фрагментом. Тойво прочел:

Два чувства дивно близки нам
В них обретает сердце пищу
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.
На них основано от века
По воле бога самого
Самостоянье человека,
Залог величия его.

– Ого! Любовь к родному пепелищу, ещё одно пророчество.

– Это так, и всё же обратите внимание на то, как употреблено слово «самостоянье». Бузек заподозрил тут наличие какой-то гордыни русского народа. Но очевидно же, что речь в целом о любом человеческом существе, о какой-то личностной характеристике человека. Что-то вроде воли.

– Довольно интересно, и все же Бузек в целом был прав про мессианство русских, вам не кажется?

– Этот фактор в литературе и в философии русских присутствует, но вовсе не как основной. И скорее у русских философов, нежели у писателей и поэтов. Кстати, Лермонтов, упомянутый в лекции, вообще, если разобраться не страдал ничем провиденциальным. Скорее, наоборот, с сожалением

взирал на свой народ: «Прощай, немытая Россия, Страна рабов, страна господ».

Эту строчку Дейв впервые произнес на русском. Тойво отметил, что владение языком у коллеги на высоком уровне. И кажется, без акцента. Так же, как у Лены Вальдес. Аудитория почти опустела, они одни сидели на галёрке и Тойво тоже перешел на русский.

– Звучит высокомерно по отношению к своему народу. Хотя ведь Михаил Лермонтов имел нерусские корни?

– Это здесь ни при чём. Пушкин тоже был потомком негра. Но оба поэта на сто процентов были русскими людьми. Просто, как и все образованные, они были, что называется, между «рабами» и «господами». Это, знаете ли, извечное страдание русской интеллигенции. И в то же время, основа круговорота российских элит. В России всегда было три основных участника исторического процесса. Когда-то давно были цари и холопы, и особняком образованный класс духовенство. Затем при императорах духовенство скрестилось с властью, появились декабристы и шире социалисты. Они так же радели за угнетаемый народ. Затем социалисты победили, привели пролетариев к власти, но долго это не продержалось. Идеалистов-большевиков уничтожило то, что стало впоследствии номенклатурой, она продолжала жить за счет угнетаемого народа. Появилась прослойка диссидентов, она ширилась и превратилась в демократов. Эти освободили народ от гнета номенклатуры. Россия пошла по

демократическому пути, но быстро образовалась новая элита и все остальное быдло. Вам знаком этот термин? Польский, кстати, означает скот. И снова проявились интеллигенты, только теперь они назывались либералами, старались обрассумить быдло.

– Тут можно было бы сказать «и так далее». Но этого «далее» у России так и не случилось.

– Верно. Но я хочу сказать, что самыми яркими представителями русской литературы всегда была как раз эта мимо­лётная прослойка переживающей за народ интеллигенции. Протопоп Аввакум при царях. Пушкин, Толстой и Достоевский при императорах. Солженицын, Бродский и Пастернак при генсеках. Акунин и Быков при президентах. Хотя эти, вероятно, вам неизвестны?

– Акунин есть то есть был в библиотеке нашей кафедры в Барселоне. Но это были книги на английском. А я, честно говоря, предпочитал пользоваться в обучении и в работе всё­таки русскоязычными книгами.

– Ваша библиотека тоже переведена в Париж?

– Возможно, акунинские книги, как английские, сохранились. Я спрошу.

– Не надо. Дейв вдруг стал серьёзным. Хочу попросить вас кое о чем. Вы сможете вспомнить наверняка хоть одну книгу из барселонской библиотеки, если она окажется у вас в руках?

– Ну, некоторые издания были моими настольными кни-

гами, я знаю все их особенности. А кое-где даже смогу найти свои пометки.

– Кто методиств вашей группе? Мадмуазель Кювье? Она же местная? Сможете попросить её принести из библиотеки какое-нибудь издание, привезенное из барселонской коллекции? Любое. Хочу кое-что проверить. Я забегу к вам на днях.

Тойво догадался о причинах этой просьбы. Дейв полагает, что книги могли не дойти до Парижа. То, что они покинули Барселонский университет известно, Вальдесы подтвердили это. Но дошли ли они до Новой Сорбонны? Он не задавался таким вопросом. Да и вообще в университет ли они направлялись?

На следующий день, появившись на работе, Тойво попросил Инес, девушку неопределённого возраста, образцовую будущую учительницу, найти в библиотеке барселонскую версию книги Набокова. Дескать, у него смутные подозрения, что в парижской книге, с которой сейчас работала их группа, не хватает кое-каких глав. И возможно, это немного сокращенная версия. Инес не удивилась, ничего не переспросила и пообещала принести. Вечером, однако, она принесла не барселонскую книгу Набокова, а известие о том, что её не существует. Тойво не стал спорить, вышел в коридор и позвонил Вальдесу. Профессор подтвердил, что в его библиотеке был почти полный набор сочинений Набо-

кова, разных изданий на русском языке. И «Защита Лужина» в том числе. Всё это было отправлено под контролем и в сопровождении французского специалиста в Париж. Полную опись отправленного Вальдес пообещал переслать через несколько минут. Тойво вернулся в кабинет, честно передал содержание разговора Инес и задал резонный вопрос.

– Вся ли партия книг дошла до вашей библиотеки?

– Точно не скажу, принимала и составляла картотеку не я. Давай уточню у руководителя нашего информационного центра.

Через несколько минут они уже сверяли два списка: присланный Вальдесом и присланный из местной библиотеки. Выслано 935 экземпляров, на учет поставлено только 82 книги. Инес вспомнила, что и из Рима они получили тоже лишь немногим более сотни русских книг.

– Это была самая первая партия, присланная из других городов. На нашем сайте была торжественная новость по этому поводу. Цифра была опубликована, и я тогда тоже удивилась, что Рим пополнил наши запасы всего на сто изданий. Возможно, остальное отправляется куда-то на склад, хотя я не знаю о наличии у университета каких-то иных помещений, пригодных для безопасного хранения книг. Спрошу у Эганбюри, вопрос, действительно, интересный. Но если ты полагаешь, что наша местная версия «Защиты Лужина» неполная, то давай сверимся с интернетом и найдем самый объемный текст. Ты помнишь, в каких главах могли быть допол-

нения?

Тойво понимал, что если сейчас они этим займутся, то ничего не найдут, поскольку это была его выдумка про возможную цензуру парижской книги и быстро закончил разговор.

– Я поищу тексты сам, мои ощущения пока интуитивны. Да и к Эганбюри я схожу тоже сам. Жалко, если из тысячи наших барселонских книг до вас дошли только восемьдесят две. Там ведь, действительно было много раритетных изданий.

– Сейчас каждая книга на русском раритет. Надо, кстати, предупредить Бузека и Колмара, что наш бумажный первоисточник, который мы ежедневно так небрежно перекидываем друг другу единственный экземпляр в университете, а то и во всей Франции.

Эганбюри попался под руку только на следующий день. Проектом букморфинга он руководил все меньше и меньше. Проводил теперь только еженедельные планёрки и принимал по отдельным вопросам. Вероятно, начало учебного года и преподавательская работа поглотили его. Либо на этом этапе букморферам давалась больше свободы для творческого процесса, и профессор предпочитал не давить своим контролем. Но к Тойво он сохранил свое расположение, возможно, как к самому молодому участнику проекта.

– Привет, Тойво! Ты уже выпил с Бузеком польской водки?

– Образно. На его лекции по русской литературе. Мы всей аудиторией поднимали тост за каждого упомянутого им писателя, и заливали таким образом русскую тоску, которую развёл Бузек.

– Ха-ха! У тебя мрачное чувство юмора, но мне нравится. Откуда оно? Привёз из Финляндии?

– Скорее парижское влияние. Профессор, я хотел поинтересоваться у вас судьбой русской библиотеки, присланной из Барселоны. Многих книг отправленных Вальдесом мне не удалось найти здесь.

– Не может быть! Я лично сверялся со списком. Каких именно книг не достаёт?

– Со списком Вальдеса? Там 935 экземпляров, а в наличии сейчас только 82.

Разговор был на ходу, но на этих словах Эганбюри остановился и с некоторым подозрением уставился на Тойво.

– Откуда тебе это известно? Инес? Понятно. Я имел в виду, что сверялся со списком русских книг, уже имеющихся в распоряжении университета. В нашу библиотеку отправились только те тома, которых у нас не было. У нас нет возможности принять всё целиком из Барселоны Мадрида, Лондона, Брюсселя, Рима и так далее.

– Но ведь заявлялось, что Париж и Прага станут укрупнёнными центрами, гарантирующими сохранность наследия русской литературы. Что стало с остальными книгами?

– В ваших словах сквозит обвинение в том, что я их сжёг.

Успокойтесь: пока все избыточные книги отвозятся в хранилища музея. Как только все города пришлют свои библиотеки полностью, будет принято дальнейшее решение, где и как их хранить.

– Что за музей? Спросил Тойво, и тут же подумал, что это становится похоже на допрос с очной ставкой. Подумал об этом и Эганбюри.

– Молодой человек! Речь идет о программе ЮНЕСКО! Мало того, что всё происходит под строжайшим контролем, но, к тому же, тут ещё и определенная степень конфиденциальности. Я и так сказал вам то, чего не полагается. Я понимаю, вы переживаете за памятные испанские издания, Вальдес тоже высказал всё, что обо мне думает. Но вы не Вальдес, поэтому вернёмся к моему первоначальному вопросу: какой книги из нашей библиотеки вам не достаёт? И почему она вам вдруг понадобилась?

– Нет, всё в наличии. Сухо ответил Тойво. Просто в барселонском издании «Лужина» были кое-какие мои пометки.

– Славно вы и Вальдес обращались с великим русским наследием, если позволяли себе чертить пометки на страницах редчайших книг. Не вздумайте рисовать на тех источниках, с которыми работаете сейчас! Скажу это всем. Хорошо, что выяснилось. Вы и ваши коллеги работаете с единственными экземплярами книг, запомните это!

Разгневанной казалась даже спина Эганбюри, когда он развернулся и быстро ушёл.

Первым делом Тойво сообщил о судьбе барселонской русской библиотеки не Дейву, а Вальдесу, вечером того же дня. Профессор выругался.

– Даже не знаю, что меня огорчает больше: исчезновение книг или исчезновение близкого человека. Ведь Эганбюри мне больше не друг. Он лично клялся, что ни одно издание не пропадёт. Я, пожалуй, напишу официальный запрос. Только пока не понимаю куда? В ЮНЕСКО? Кто там ваш заказчик?

– В том-то и дело, что кроме Эганбюри мы здесь никого не видим, контракт я подписывал с университетом, контроль за проектом осуществляет Эганбюри и задачи ставит тоже он. Внешне всё выглядит так, словно это он сам замыслил проект букморфинга.

– Либо за ним стоят люди, которые не хотят публичности. Тут со мной Лена, она спрашивает, есть ли у тебя возможность разузнать, что за музей приютил остальные наши книги? Только без риска для себя, конечно?

– Если только обойти все музеи, которых тут бесконечно много.

– По смыслу подходит Музей писем и рукописей, он где-то на набережной.

– На бульваре Сен-Жермен, знаю такой. Не думаю, что что-то получится. Понимаете, Эганбюри произнес это так, будто он придумал про музей на ходу, спонтанно.

– Это очень плохо. Придётся мне пересилить себя и позвонить мерзавцу Луи. Давай свяжемся с тобой послезавтра? Но на бульвар Сен-Жермен сходи, пригодится для общего развития. Тут ещё Лена ещё хочет поговорить с тобой.

– Привет, дружок! В трубку влилась знакомое русское приветствие. Ты сообщил нам пренеприятное известие. Все эти книги по крупницам собирались у нас годами, многие из них очень редкие издания. Ты же помнишь, как к нам приезжали из Валенсии русские ребята и специально поселились в отеле, чтобы просто ходить в нашу библиотеку читать Платонова и Рыбакова? Происходит нечто плохое. Русской музыки я тебе рассказывала уже не сыскать в Интернете, это звенья одной цепи. Мои сородичи уже меняли названия исполнителей, писали на латинице и задом наперёд, но кто-то всё равно выискивает такие файлы и стирает их. Я кое-что накопила, при случае скопирую тебе для языковой практики. А русскоязычные книги в сети стали концентрироваться на платных ресурсах. Что-то бесплатное найти сложнее. Попробуй узнать, что случилось с нашей библиотекой, но конечно, аккуратно. Луис прав не рискуй своим положением и потерей работы.

На следующий день проектная группа снова собралась обсудить очередной неожиданный поворот в жизни шахматиста Лужина. Колмар традиционно опоздал, Бузек сделал тому внушение. И британец впервые вступил в перепалку:

– Мне сложно работать с русским текстом на французском

языке. Не понимаю, почему меня не направили переделывать набоковский роман «Пнин»? Он ведь изначально писался автором на английском. К тому же главный герой там фактически наш коллега, профессор русского языка и литературы.

– Если вы не заметили, в рамках нашего проекта все группы работают исключительно с произведениями Набокова из его русского периода.

– Заметил, только не понял почему? Возьмёмся за остальное позже?

– Нет, за остальное мы браться не будем. Если я правильно понял замысел наших заказчиков, букморфинг затрагивает именно русскоязычные тексты. Я бы принял точно такое же решение.

Тойво вдруг насторожился и поддержал Колмара, спросив, в чём логика такого решения. Бузек снова включил режим лектора.

– Поймите, Набоков особенный писатель на фоне остальных русских. Многие эмигрировали, сменили жизнь, обстановку и может даже убеждения. Но немногие перестали быть русскими. Набоков, пожалуй, единственный, кто смог стать полноценным европейским мыслителем и автором. Четко видна разница между ранними его произведениями и поздними, написанными в эмиграции. Хотя это и не эмиграция даже. Эмигрант постоянно думает о возвращении и тоскует по родине. Особенно русский эмигрант. Набоков решитель-

но порвал с родиной и с соотечественниками, искоренил в себе

– Эйцехоре? Перехватил Тойво Я был на вашей лекции. Вы ведь это пытаетесь сейчас сказать?

Бузек осекся, расплылся в благожелательной улыбке и выразил удивление, что Тойво посетил его лекцию. Но сделал это немного фальшиво, из чего стало понятно, что Бузек в тот раз всё-таки разглядел Тойво на задних рядах.

– Именно так! Именно эйцехоре русского менталитета. Вот эту тоску и безысходность, порождающую бунт и непредсказуемые последствия. Заметьте, это же хорошо видно, в том числе, на примере нашего подопытного, господина Лужина.

Инес слушала приоткрыв рот. Колмар, довольный тем, что про его опоздание забыли, деловито искал в интернете слово «эйцехоре». Введя в поисковик несколько неточных вариантов впервые услышанного слова, решил схитрить. Включил голосовой поиск и направил смартфон в сторону Бузека.

– Простите профессор, как вы сказали, эйце ?

– Эйцехоре! Не пытайтесь искать, вам выдадут ссылку на Даниила Андреева, который сам был носителем этой гадости. А это именно то, что нам: вам, Колмар, вам, мадмуазель Кювье, и вам, Саволайнен предстоит найти и искоренить!

– По каким признакам мы это определим? И, позвольте, термин «эйцехоре» в таком значении исключительно ваше

изобретение. Эганбюри и наши заказчики тоже им руководствуются?

– Не цепляйтесь к терминологии. Если угодно, можете называть это литературным кодом, сокрытым в каждой русской книге. Ведь запрещают же экстремистскую литературу, здесь тот же случай, только не такой очевидный. Букморфинг больше, чем забава книжных издательств, иначе бы за него не взялись серьёзные международные институты. Это очистка произведений от зловредного кода, формирующего поведение читателя.

Тойво сидел ошарашенный, пытаясь понять личные ли это измышления пылкого поляка или общий замысел всего проекта букморфинга. Для Инес, впрочем, всё услышанное тоже стало открытием, и она задала вопрос, который заметно сбил напор Бузека:

– И всё же, как мы можем прочесть этот код в какой-нибудь конкретной книге? Где он, в частности, в «Защите Лужина»?

– Не знаю. Не скажу. Я разговаривал со многими коллегами. Даже те, кто признаёт наличие такого скрытого кода в русской литературе, не могут дать чётких научных критериев. Кто-то ссылается на словообразование, кто-то на православие или фольклор, кто-то даже на фонетику и русский алфавит. Эффект даёт всё это в комплексе. Это вам не гитлеровский «Майн Кампф», тут не так всё очевидно.

И тут Тойво осенило:

– То есть мы вслепую переписываем сюжеты книг, надеясь, что случайно выкорчует и эйцехоре, спрятанное где-то между строк?

– Фактически да. Вместо индивидуальной точечной работы с неизвестным, мы выжигаем напалмом всё, в надежде сжечь и зловредные коды. Русские книги должны перестать быть жестокими, нравоучительными и подстрекательскими. Мы и с Набокова начали, потому что он самый безопасный и понятный нам, европейцам. Кстати, давайте уже приступим к работе.

4.

Операцию внедрения центральный офис согласовал Стоуну неожиданно легко и быстро. Видимо, у них там нет готовых типовых решений, как подобраться к русским диаспорам в той или стране. Керим тоже полагал, что подразделениям «Фокстерьера» в разных точках планеты полностью развязали руки, поощряя креативные подходы, чтобы нащупать в итоге самые эффективные способы ликвидации русских. Этаким всемирный секретный конкурс «Кто найдет самый изящный способ геноцида в современных условиях?»

Керим и его аналитики помогали планировать Стоуну кипрскую операцию. Нашли подходящий контакт. Некто Антонис Демескос, молодой магнат, владеющий на Кипре сетью отелей и казино. В действительности это был Антон Дёмушкин, унаследовавший активы от своего отца, богато-

го русского бизнесмена. Интересен он был тем, что никак не контактировал со своей диаспорой, имел жену-гречанку, из-бавил свой холдинг от русских сотрудников и поменял имя несколько лет назад. То есть полностью и показательно дистанцировался от своего происхождения и своих соотечественников. Почему он так поступил, оставалось загадкой, но Стоуну чудилась здесь хорошая зацепка. Демескоса можно сделать либо сторонником, либо провокатором, либо подставным персонажем в предстоящей операции.

Однако даже подобраться к нему оказалось непросто. Демескос жил на охраняемой вилле в предместьях Лимассолла, и судя по трекеру, перемещался редко. Офис своей компании практически не посещал, очевидного досуга не имел, выезжал изредка в столицу. Но всё же пользовался интернетом и эта часть его жизни была прекрасно видна Кериму. Судя по запросам и посещаемым ресурсам, фокстерьеры сделали вывод, что Демескос интересуется местной политикой. Фоксы стали искать в этом направлении и скоро выяснили, что на ближайших выборах в парламент Кипра Демескос хочет выдвинуть своего человека. Даже двоих, причём от разных партий. Через посредников он ведет переговоры сразу с обеими крупнейшими политическими партиями, руководящей и оппозиционной. В обмен на финансирование избирательных кампаний Демескос добивается включения своих людей в выборные списки. Оппозиционеры вроде соглашались и выторговывают сумму побольше, а представители ру-

ководящей партии хранят пока гордое молчание.

Керим взломал почту посредников и перехватил переписку от лица руководящей партии. Теперь люди Демескоса были в полной уверенности, что переписываются с главными политиками Кипра, которые наконец-то! вышли на связь. Переписка длилась долго, каждое письмо с обеих сторон строго выверялось. В Лимассоле Демескосом, а на территории британской авиабазы Стоуном и Керимом. Им тоже пришлось изучить особенности местного политического ландшафта, чтобы отвечать грамотно, направлять разговор в нужное русло, но при этом не спугнуть жертву.

Стоун настаивал на организации личной встречи. Однако Керим приходил в ужас от этой перспективы. Ведь до сих пор заочную переписку на греческом языке вёл их сотрудник Костас. То ли грек, то ли киприот, а может ни то, ни другое. В их ЧВК не было принято выяснять происхождение коллег. Но греческий язык Костас знал как родной и переводил послания Стоуна так, что никаких подозрений на вилле Демескоса не возникало. Стоун же не знал ни одного греческого слова возражал Керим в споре с ним.

– Лучше давайте пошлём Костаса и снабдим его прослушкой.

– Керим, не суйся не в своё! Прослушка станет дополнительным фактором риска, если встреча пройдет в доме Демескоса, то гостей могут и обыскать. И, во-вторых, твой Костас не имеет такого опыта в подобных операциях, как я.

Окей, я понял тебя. Тогда мы поедем вдвоём: Костас представит меня как наемного иностранного пиарщика, заместителя главы предвыборного штаба и заткнет свой рот. Дальше я на английском сделаю всё, что мне требуется.

– Допустим, но, Стоун, вы ни бельмеса не понимаете в тонкостях кипрской политики, законов и вообще местного медиапространства. Невинный вопрос, вроде запроса о рейтингах вашей мнимой партии где-нибудь в Ларнаке, выдаст вас с потрохами.

– Я не собираюсь пускаться в детали, сверну с темы, сошлюсь на необходимость уточнить. В крайнем случае, позволю тебе. Поверь Керим, у меня большой опыт в проведении подобных встреч. Не думай, что я был банальным убийцей. С какой-то угрожающей ноткой настаивал Стоун.

В конечном итоге всё же было решено отправить к Демескосу двух человек и один гаджет. Стоун будет держать в руках смартфон, так чтобы с его помощью Керим постоянно слышал разговор. А если потребуются какое-то детальное уточнение на опасный вопрос, то Керим и вся его команда, которая останется на базе, будут оперативно узнавать нужное в интернете, формулировать ответ и высылать его обычным смс-сообщением. Стоун уберёт звук и вибрацию, будет как бы поглядывать на экран и считывать подсказки тайком от собеседника.

Операцию и детали согласовали с центральным офисом. Там идею одобрили и даже выразили готовность поддержать

игру. На случай если зацепка с русским магнатом сработает и сотрудничество станет долгосрочным, то руководство фокс-терьеров готово подключить свои связи и реально взять человека Демескоса в списки правящей партии Кипра. Деньги-то русский даёт реальные.

Когда все было улажено, Стоун и Керим отправили Демескосу письмо с предложением очной встречи с двумя технологами предвыборного штаба для детального разговора. Даже рискнули пригласить того в официальный офис партии в Никосии, назвали адрес, кабинет и время. Знали, что Демескос ведёт параллельные переговоры с оппозиционерами и не рискнет открыто отправиться в штаб конкурентов.

Так и произошло, Демескос под предлогом конфиденциальности предложил встретиться у него на вилле. Так Стоун, даже не меняя внешности, но купив щеголеватый приталенный пиджак, стал Алексом Миллером, иностранным политтехнологом и отправился вместе с Костасом на арендованном Форде в резиденцию Антониса Демескоса.

Первую половину пути к вилле Стоун и Костас проговаривали вслух возможные сценарии разговора. Ещё раз напомнили сами себе основные политические расклады Кипра, которые плотно изучали в последние дни. Имя руководителя партии, правительства, ключевых министров, доли партий в парламенте, высказывания оппозиционеров, руководителей фондов и компаний, которые спонсируют политические кам-

пани. После Ларнаки замолчали. Машину вёл Костас. По тому, как уверенно он ориентировался в развязках и вообще держался в условиях островного левостороннего движения, Стоун сделал вывод, что его напарник всё-таки киприот. Через некоторое время Костас сам почти признался в этом.

– До сих пор не могу привыкнуть к тому, что эти места скрыты под снегом. Тут ведь раньше было круглогодичное лето. А сейчас сезонность на Кипре выражена ярче, летом меня удивила обильная зелень. Она тут тоже была редкой в прежние времена, долины были покрыты выгоревшей от бесконечного солнца травой. Остров был вечно жёлтым, а теперь посменно, белый либо зелёный.

– Ты киприот? Не выдержал Стоун.

– Грек. Отрезал Костас и демонстративно уткнулся в навигатор, выискивая поворот с трассы на виллу Демескоса.

Вилла магната, как и положено, оказалась скрыта высоким забором. От въездных ворот до самой резиденции пришлось ещё некоторое время ехать по длинной оливковой аллее в компании охранника. На входе их не то чтобы обыскали, но изучили содержимое карманов металлоискателем. Демескос оказался невысоким круглолицым молодым человеком с чрезмерно чёрными волосами, вероятно крашеными. С ним был театрального вида лучезарный тип, который оказался Лео Паниотисом, то ли экологом, то ли меценатом. Его-то и нужно было вставить в списки руководящей партии на предстоящих выборах.

Разговор начал Костас. По согласованному плану он поприветствовал хозяина на греческом, представил Стоуна как привлеченного, известного в узких кругах, европейского политехнолога Алекса Миллера, и умолк. Демескос легко перешёл на английский и пригласил их вглубь дома. Вчетвером они прошли и закрылись в просторной гостиной. Стоуна и Костаса усадили на двухместный диван, Демескос занял место напротив, Паниотис сбоку. По тому, как плотно их разместили, а главное по едва уловимому, но точно подмеченному судорожному обороту Демескоса на шкаф позади, Стоун сделал вывод, что хозяин намерен записать все переговоры на видео. Это, конечно не входило в планы фокстерьеров. Стоун деловито осмотрел шкаф за спиной Демескоса, предположил, где возможно скрыта камера и сказал откровенно:

– Господин Демескос, мы бы не хотели, чтобы наша встреча была записана на видео. Понимаете, даже для большинства местных политиков, особенно оппозиционных, моя работа на Кипре должна оставаться тайной. Если мы выстраиваем искренние отношения с вами, то это Он кивнул за спину Демескоса, наугад в сторону шкафа надо убрать.

– Господин Миллер, я даже не понимаю, о чём вы говорите, но давайте выйдем на террасу. Или вы сами хотите найти подходящую комнату в моём доме? Не очень учтиво ответил хозяин. Нависла пауза, в которой продолжал глупо улыбаться лишь Паниотис, будущий депутат.

– Терраса так терраса. Деловито, без попыток свести на

шутку, согласился Стоун.

Пока перебирались на воздух, на смартфон пришло сообщение от Керима «Ок». То ли подтвердил, что вышел на связь, то ли одобрил идею выйти из-под видеокамер.

Первую долгую часть разговора Стоуну-Миллеру пришлось выдержать экзамен на право считаться авторитетным политтехнологом. Говорили о политической подоплёке, об электоральных предпочтениях, колебаниях рейтингов и каналах раскрутки. Идея с подсказками через смартфон очень выручила. Все оставшиеся в бюро сотрудники во главе с Керимом, сидя у компьютеров, слышали ход переговоров на громкой связи и были готовы любой момент найти нужную информацию, чтобы отправить сообщение с подсказкой.

Когда Паниотис внезапно спросил, с каким рекламным агентством работает штаб партии, и на какой адрес выслать свои самые удачные фотоснимки для билбордов Стоун серьёзно замешкался. Начал уходить с темы, внушать, что лучше сделать абсолютно новую фотосессию, а может вообще сделать упор на видеоролики. И даже уже почти всех убедил, но тут пришло беззвучное сообщение из бюро. Стоун продолжая разговор, прочитал правильный ответ и тут же авторитетно добавил:

– Впрочем, если ваши фотоснимки вышли удачно, то не стоит тратить время и деньги. Отправьте их на почту нашего копирайтера в агентстве «Афродита-медиа», по адресу Одос Климентос в Никосии, знаете же?

В некоторых моментах разговора вырубал Костас. Он быстрее, чем нашли люди Керима, ответил на вопрос, на счета каких кипрских банков нужно будет переводить пожертвования для партии. Бегло произнёс какие-то названия, от которых собеседники уважительно закивали. Всё-таки он местный. Подумал Стоун. Постепенно дело дошло до спора по поводу места для человека Демескоса в списках партии на выборах. Торговались за попадание в первую десятку. Стоун и Костас всерьёз переубеждали, что в этой категории всё уже поделено между уважаемыми на Кипре людьми, народ не поймёт появления новичка в числе лидеров. Предлагали второй десяток, тоже гарантированно проходной, исходя из рейтингов партии. Паниотис обижался и доказывал свои таланты, значимость и тотальную лояльность партии до конца жизни. Демескос накидывал цену для попадания всё-таки в первую десятку. Паниотис тут же изображал на лице тотальную лояльность своему шефу. В общем, Стоуну стала надо-едать эта клоунада, и он стал переводить разговор в нужное русло.

– Господин Демескос, ваши пожертвования, несомненно, нужны нашей партии, однако у нас есть к вам и другой интерес. Честно говоря, даже больший, чем деньги. Я говорю про русскую диаспору. Она самая многочисленная на Кипре, правительство даже подумывает о выделении национальной квоты в парламенте именно для русских. Но это в перспективе, а до той поры нам нужны голоса диаспоры на ближай-

ших выборах.

Демескос разительно переменялся в лице и вопросительно уставился на Стоуна.

– Не понимаю о чём вы, Миллер?

– На последних выборах русские не показали единого мнения в отношении партий и кандидатов. И вообще показали низкую явку. А нам нужно, чтобы у этой части электората проявилась более или менее единая позиция. Понятно близкая нам позиция. И чтобы активность русских на выборах была значительно выше. Ваш кандидат Паниотис тут вряд ли поможет, нам нужно, чтобы своё влияние на голоса русских оказали лично вы.

– Я не имею никакого отношения к русским! С чего вы это взяли? Да, некоторое время назад в моей корпорации часть менеджмента была русского происхождения. Но это абсолютно ленивые немотивированные люди, о которых я наконец-то избавился!

– Но вы же сам русский?

– Кто вам это сказал? Мой отец имел польские корни, мать была еврейкой. Да, они родились в Советской России, но всю жизнь выдавливали из себя мерзкий «совок». Я родился на территории Германии, образование получал в Лондоне, жил на Кипре, женат на гречанке и мои дети граждане республики. Я не русский! И никаких дел с ними иметь не хочу!

Стоун выслушал эту тираду с удовольствием. Есть зацепка! Только с другой стороны. И он перешёл на шёпот.

– Тогда откровенность за откровенность, господин Демескос. Я всего лишь прощупывал ваше отношение к диаспоре. Мы догадывались о ваших настроениях, просто решили убедиться. Ведь на самом деле нам к чёрту не нужен русский электорат. Как вы верно заметили, это ленивые немотивированные люди. Мы знали, что вы порвали все связи с этими мерзавцами. А правда состоит в том, что правительство в перспективе хочет избавиться от русских на острове. Закрытые опросы показывают, что коренные жители страны, и конечно, все европейски образованные граждане не выносят присутствия русских. Греко-киприоты привыкли к соседству с турками, те хотя бы компактно расселились на севере и не маячат в поле зрения. А вот вездесущие русские живут среди нас, внедрились в наше общество, паразитируют и злоупотребляют своим положением...

– Остановитесь, Миллер, вы тратите своё и моё время. Ещё раз повторяю, я не имею никакого отношения к русским. Не больше, чем к британцам, живущим на острове. Для меня это такая же безликая масса, как всякий, кто живёт на Кипре. Я не знаю персонально ни одного русского киприота. С чего вы вообще взяли, что я русский, мне не знаком даже их язык!

И тут Стоун сделал импульсивный, необдуманнный жест. Хотя самому ему показалось, что он лихо пошёл ва-банк. Резко встав и перегнувшись через стол, он сказал страшным хриплым голосом, по-русски не на русском языке а именно

по-русски:

– Антошка! Не п..ди, сучонок! Язык он не знает! Хочешь в большую политику работай с нами. Хочешь сохранить свой сраный бизнес работай с нами. Хочешь сохранить вообще свою жизнь работай с нами. У тебя уже нет выбора с этого момента.

Из присутствующих эту тираду понял только Антонис Демескос.

Паниотис продолжал на всякий случай глупо улыбаться.

Костас, хоть и не понял, что было сказано его партнёром, но прекрасно догадался, что это было сказано на русском, причём сказано носителем языка. И в эту секунду он тоже удивлённо глазел на Стоуна.

Демескос вжался в кресло. Выражение его лица прекрасно иллюстрировало бы статью «Паника» в Википедии.

Стоун наслаждался эффектом. Впрочем, недолго. Через несколько секунд Демескос закричал «Охрана!» Но ничего не произошло. Паника хозяина стала нарастать, он не замечал, что под воздействием шока стал звать своих телохранителей на русском языке. Первым сообразил, что происходит Паниотис. Он вполголоса предположил-предложил боссу греческое слово «филака» – охранник. Демескос спохватился и закричал уже на греческом.

Стоун понял, что совершил ошибку, ва-банк не удался. Он смягчил интонации и вернулся к английскому.

– Господин Демескос, сейчас вы совершаете ошибку. Вы

заинтересованы в нас, так же как и мы в вас. Ваши заигрывания со штабом оппозиции и дублирующим кандидатом нам известны и потому бесперспективны.

– Я не знаю, кто вы, но выметайтесь из моего дома! Если правящая партия прибегает к таким методам и к таким личностям, то нам не по пути. Я буду разговаривать с прокурором, он мой хороший знакомый, на предмет законности ваших методов. Прошу вас больше не связываться со мной, не звонить и не писать. Что до ваших угроз, вы, идиоты, не понимаете, с кем столкнулись. Два охранника уже стояли на террасе по обе стороны от гостей, один демонстративно держал руку на кобуре. Уходя Стоун увидел сообщение от Керима: «Прокурор республики Тео Андреас». Молодец, аналитик, быстро сообразил, как обезопаситься. Стоун повернулся и бросил напоследок Демескосу:

– Если старина Тео имеет для вас такой авторитет, мы поговорим с ним. Может он убедит вас сотрудничать с нами. Взвесьте всё ещё раз, несколько дней у вас в запасе есть.

Первые несколько километров обратно ехали молча. Удирали с места катастрофы. Костас соблюдал субординацию и не задавал никаких вопросов, но его напряжение было очевидным. Он даже не смотрел в боковое зеркало со стороны пассажира, настолько боялся повернуть голову в направлении Стоуна.

– Останови, дико хочется курить.

Встали на обочине шоссе, Стоун вышел и закурил, отвернувшись в поле. Давно, очень давно он не использовал рот для произношения русских слов. Хотя говорил на нём всю первую половину жизни. Последний раз это было где-то в Норильске. Где и зачем? Ах да, выкуривали тех бородачей. Группа Стоуна проверяла сектор вдоль Енисея высоко по течению. Интересные места: если остановиться и перестать хрустеть снегом, то наступает неземная тишина, которая никак не вяжется с огромным простором. Мозг не понимает, как в таком большом объёме видимого глазом пространства не может возникнуть ни единого звука. И всё же они почувствовали, что где-то неподалёку есть люди. Те, кого они искали, выжившие. У берега, чуть покосившись, стоял вмёрзший в чёрный лёд корабль. Грязный снег на палубе был местами вытоптан, но непонятно как давно. Следы крупные, мужская особь, может не одна. Группа Стоуна молча и не спеша обошла верхнюю палубу, стали спускаться в трюм, но тут у него возникло интуитивное чувство засады. Он безмолвным знаком остановил бойцов, открыл единственную дверь вниз, в темноту. И рискнул. Крикнул по-русски: «Мужики! Есть кто? Мы с Уренгоя идём!». Секунд десять висела та самая сибирская тишина. И вдруг что-то скрипнуло металлом, и из проёма вышли два бородатых мужика. Похожие друг на друга, братья или отец с сыном. У них было по охотничьему ружью и пять секунд на оценку ситуации. Но они потратили их на разглядывание Стоуна и его необычных «уренгойцев»,

среди которых был и негр, между прочим. Они вышли из темноты на свет, и глаза подвели их. Глаза и доверчивость. Через пять секунд оба были убиты. Бойцы Стоуна потом подозрительно на него косились, и он решил больше не говорить на языке своей юности.

Также подозрительно смотрел, наверное, сейчас ему в спину Костас, сидя внутри автомобиля. Стоун докурил, усмехнулся в пустоту, резко обернулся, но не поймал взгляда своего напарника. Тот с каменным лицом смотрел вдаль шоссе. Стоун симитировал дикий русский акцент и ту самую страшную интонацию, которую применил в доме Демескоса:

– Эй, как сам? Чего такой унылый? Хочешь меня о чем-то спросить? Не русский ли я? Успокойся, я украинец. Один-один, не так ли, грек?

Костас оценил шутку, улыбнулся и заметно расслабился.

– Стоун, вы уже второй за сегодня человек, который упорно не хочет быть русским. Что будем делать?

– Не знаю, пока отвези меня на квартиру. Соберёмся на планёрку завтра, с твоими друзьями-аналитиками. Чего-то они не звонят. Тоже, наверное, перепугались? Или до сих пор слушают нас через эту штуку? Алё, Керим, если ты там не помер от страха и если слышишь меня собираемся завтра в девять.

Смартфон молчал. Никто их уже не слушал.

На следующее утро собрались уже всем составом бюро.

Аналитики, впрочем, коллективно молчали. Но если раньше в них чувствовалась отстраненность и некоторый страх перед головорезом Стоуном, то теперь было ещё и что-то вроде уважительных взглядов. Теперь они знали тайну своего руководителя. И хотя это было необязательно, Керим выступил с преамбулой от лица своего отдела.

– Стоун, нам не важно, русский вы или украинец. Важно, что центральный офис доверил вам эту работу и сделал вас руководителем нашего подразделения. Мнению центра мы безоговорочно доверяем. Хотя, конечно, всем нам было бы лучше заранее знать о таком ресурсе как ваше происхождение и владение русским языком. Насколько мы смогли понять, вы говорите абсолютно без акцента. В любом случае то, что вы вчера проделали, всех нас очень впечатлило. Попытка была достойная, и даже эффектная, но никто не предполагал, что Демескос будет так категорично отрешиваться от своего происхождения.

– Впервые встретил такого типа. Русские обычно всегда кучкуются и держатся вместе. Но этот удивил и меня. По всей видимости, тут сработал инстинкт самосохранения, Демескос понимает, что русские диаспоры вымирающий вид, группа риска, и поэтому лучше быть одиночкой чтобы выжить.

– Насчет выжить, Стоун вы понимаете, что Демескос вчера из зацепки превратился в опасного свидетеля? Мало того, что он видел ваше лицо, так ведь он ещё водит дружбу с

прокурором. Вы правильно отпугнули его нашим выдуман-
ным знакомством с господином Андреасом, но это времен-
но. Скоро Демескос или его люди поймут, что мы оказались
не теми, кем представились.

– За это не переживай. Антону Дёмушкину осталось жить
несколько дней, уже сегодня я вызову на Кипр кого-нибудь
из своих людей. План виллы я запомнил, здание частично
деревянное, устроим поджог, в котором случайно сгорит и
сам хозяин, великий меценат и патриот республики Кипр.

– Давайте как-то изящнее. Пусть он погибнет на перего-
ворах с оппозицией, мы ведь всё равно ещё отслеживаем его
передвижения и контакты. К тому же придётся убрать также
его помощника Паниотиса, он тоже нежелательный свиде-
тель. В общем, ликвидацию Демескоса вашему киллеру нуж-
но будет спланировать совместно с нами.

– С Паниотисом сложно. Я ещё не говорил тебе, на днях
пришло гневное письмо из центра. Моя группа в Испании
грохнула одну русскую, жившую в частном доме с газовым
котлом. Сделали чисто, полиция ничего не заподозрила: газ-
гольдер старый, изношенный, утечка, искра все дела, снес-
ло полдома. Причём центр сперва с готовностью согласовал
операцию, объект был идеальный, эта баба не скрывала, что
она русская и даже преподавала свой язык испанцам. Но по-
нимаешь, вместе с ней на тот свет отправили и её мужа. А
тот оказался каким-то видным учёным, чистокровным ис-
панцем, видите ли. И центр разразился проклятиями в мой

адрес, мол, какого чёрта мы устраиваем гибель посторонних объектов? И тому подобное. Я так понял, наши перед кем-то отчитываются, гуманисты хреновы.

– Стоун, вам это может не понравиться, но подобные гневные письма центр параллельно отправляет и мне. Это двойной контроль, у вас здесь не единоличная власть. Так что я в курсе этой истории. И ваш человек Олдман да-да, я знаю все их имена действительно сработал неаккуратно. Мог бы дожидаться, когда объект останется в доме один, без мужа-испанца. На ваше счастье мы уже проанализировали ту ситуацию и выяснили кое-что полезное. Адам, что там за история? Керим, наконец, обратился к одному из своих специалистов, которые совсем притихли. Стоун закурил дёргаными движениями. Ему не понравилось, что центр дублирует почту Кериму и все эти аналитики знают уже больше, чем он. Заговорил Адам, самый юный из отдела аналитики, и это ещё больше задело Стоуна.

– Ликвидированный случайно испанец оказался сам преподавателем русского языка, профессором Барселонского университета. Вёл русские кружки, имел тесные связи с другими русскими помимо своей жены. И даже пытался организовать какую-то культурную диверсию через своего человека во Франции. Что там было не очень понятно, но из восстановленной записи его разговора можно сделать такие выводы. Тут Адам вопросительно посмотрел на Керима

– Да, именно такую трактовку и нужно отразить в рапор-

те, который вам, Стоун предстоит написать в центр. Перехваченные записи нужно будет отправить вместе с рапортом. Скорее всего, это успокоит наших руководителей. Но на будущее, коллеги, давайте избегать ненужных жертв.

Последнюю фразу Керим обратил как бы ко всем, и тем самым смягчил свой диктующий тон. Но Стоун продолжал злиться.

– Скорее бы прислали чёртовы ДНК-тестеры. Нам обещают их уже год. Если до сих пор их настраивают и проверяют так и отправили бы к нам на полевые испытания! Вот бы я посмотрел на рожу Демескоса, когда он вопил про свою чистую кипрскую кровь.

– Не думаю, что ДНК-тестеры будут давать стопроцентно точный результат. После крушения Советского союза кровь русских растеклась по всему миру. В переносном, конечно, смысле. Вероятно, наше руководство попросту решает какую процентовку русской примеси можно считать достаточной для ликвидации объекта. Только тогда ДНК-тестеры пойдут в применение.

– Ладно, умники, продолжаем работу. Пока центр не передумал нужно попробовать операцию внедрения ещё раз. Только теперь пойдём от обратного. Нужно выйти не на отщепенца-одиночку, а, наоборот, на какого-то активного члена русской диаспоры. Подыщите мне их руководителя, секретаря или неформального лидера. Но не стоит использовать моё знание русского языка, тут Керим ты неправ. Это

должно останется козырем. Пусть я буду каким-нибудь сербом или хорватом. Разузнайте, какой национальной диаспоре ещё нет на Кипре, и от лица этого народа я обращусь к русским якобы за помощью в организации диаспоры моего забытого албанского народа.

На этой приказной ноте, не оставляя времени для возражений, Стоун вышел из собственного же кабинета. Куда? Неважно, хреновы аналитики, пошёл в туалет. Зато, как ему показалось, восстановил своё лидерство в группе, оставив последнее слово за собой.

5.

Гибель Луиса и Лены Вальдес опустошила Тойво. Процесс похорон, на которых он никогда ранее даже и не был, оставил надолго гнетущее впечатление. Лену он так и не увидел, её кремировали в закрытом гробу, нелепая смерть от взрыва газа изуродовала тело. Рядом, впрочем, стояла фотография неуместно улыбчивой молодой женщины. Это изображение никак не увязывалось с начинкой деревянного ящика, какой она представлялась впечатлительному Тойво. Вместе с ним приехали и родители, они понимали, сколь важны были Вальдесы для их сына.

После церемонии Тойво крепко и долго обнимал сначала мать, а потом и отца, чего не делал с детства. Внезапная близость смерти заставила по-другому взглянуть на своих стариков. Там же к ним подошла Моник, ассистентка с кафедры

Вальдеса. Передала флеш-карту, от Лены.

– Она однажды принесла это на работу, чтобы ты при случае забрал. Тут какие-то файлы для твоей языковой практики. Настолько больше, что Лена вроде как не смогла переписать по почте.

Это оказалась русская музыка. Лена и не собиралась её переправлять через интернет, опасаясь, что будет обнаружена. Всю обратную дорогу в Париж Тойво слушал эту музыку в наушниках в купе поезда. Большинство файлов назывались какой-то абракадаброй. Лена говорила, что в целях конспирации русскоязычные пользователи специально меняли имена файлов. Наверняка у неё был какой-то сопроводительный список с названиями исполнителей и композиций, но теперь его не найти и трек-лист представлял собой невнятную кашу. Хотя сама музыка была вроде ничего. Тойво особо и не вслушивался, после произошедшего у него в голове тоже творилась каша. Погибли близкие ему люди, в какой-то степени, крёстные родители, хотя Вальдесы не были таковыми. Погибли нелепо, случайно, однако странным образом эта гибель подтверждала их теорию преследования русскоязычных граждан. Мифические фокстерьеры уже казались Тойво реальными персонажами. Периодически он слышал о несчастных случаях и авариях с участием русских. Во Франции, Испании, Германии, Великобритании. И заметил, что часто источниками такой информации были социальные сети, но не официальная пресса. Писали, например, что в Аль-

пах русскую семью загрызли дикие собаки, были жуткие фотографии. Но то было на интернет-форуме, а местная пресса, которая по идее должна была предупредить остальных туристов о подобном риске, почему-то молчала об этом случае.

Пропавшую барселонскую библиотеку он так и не нашёл в Париже. Сейчас корил себя за то, что не приложил к этому больших усилий, ведь об этом прямо просили Луис и Лена. Теперь они мертвы, а он вроде как не успел. Стоит ли заниматься этим сейчас, под носом у Эганбюри? Поможет ли Дейв, который обещал узнать о судьбе книг по каким-то своим каналам? Или Инес, с которой у них перед отъездом на похороны в Барселону произошёл хороший, душевный разговор. Девушка Тойво стал замечать в ней черты уже не училки-библиотекарши, а именно живой девушки поддержала его в момент, когда он узнал о Вальдесах. Он был готов расплакаться, его трясло, но Инес уверенным движением вытащила его на свежий воздух, усадила на скамейку, выслушала и успокоила Тойво. Оказалось, что она наполовину сирота, несколько лет назад потеряла мать от болезни, очень жестокой и скоротечной. В итоге заплакала она, а Тойво пришлось взять себя в руки.

Он не говорил Инес, она как-то догадалась сама, что погибшие Вальдесы бывшие обладатели той самой пропавшей барселонской библиотеки и пообещала копнуть эту историю чуть глубже. Узнать, куда всё-таки отвезли недостающие книги, и кто за них теперь отвечает.

Отдельный вопрос, как теперь относиться к своей работе над букморфингом русской литературы? Луис был явно недоволен этим проектом. Но пока он был жив всё можно было свести на шутку. Или просто держать профессора в курсе событий как бы полагая, что его умная голова что-нибудь придумает. Теперь старшего товарища нет, а сам Тойво продолжает послушно переделывать чужие произведения. Вся моральная ответственность на нём. Отказаться от работы? Уйти без объяснений или гордо объявить об этом? Ретрасслировать публично подозрения Вальдеса про теорию заговора? Кому, своим коллегам или во всеуслышанье в интернете? Либо же оставить всё как есть, выполняя гадкую работу, но получая деньги и карьерные бонусы?

Точку в этих раздумьях поставила граница Испании и Франции. К изумлению Тойво в купе вошёл тот самый подозрительный пограничник. Так он всё-таки испанский или французский? Или не пограничник вовсе? Человек в неясном кителе точно так же долго разглядывал паспорт и точно так же как в прошлый раз вопросительно уставился на светло-русого пассажира. Не узнал.

Тут с Тойво произошла перемена. Он медленно снял наушники, сжал губы, выдвинул нижнюю челюсть и с вызовом молча уставился на пограничника. Я не буду объяснять тебе свою национальность, я вообще не скажу тебе ни слова. Какого чёрта тебе не нравится моё лицо? Кого ты тут выискиваешь всё это время?

В эту минуту несчастный служащий новой редакции шенгенского соглашения олицетворял для Тойво тех самых фокстерьеров, тайную систему геноцида русских. Само появление в купе этого человека в тот момент, когда Тойво делал мучительный выбор в своей ближайшей судьбе, повторное появление, дежавю в реальном облики, было воспринято как сигнал свыше. Для тех, кто не понимает с первого раза. Тойво решил, что должен бороться с системой. Как? С кем? Против кого именно? Это он определит позже, посоветуется с Дейвом, в конце концов. Как там, кстати говорил Дейв такой ситуации? «Да пошёл ты на »

Это было произнесено вслух. Может, не очень точно, но от всей души. Непонятное никому в этом купе заклинание, впрочем, сработало. Пограничник удовлетворенно кивнул, вернул паспорт и вышел.

Его не было в Париже неделю, Эганбюри дал ему отпуск, как «другу друга». Теперь же, в очередной раз выражая соболезнования и напрашиваясь на такие же встречные, француз предлагал Тойво устроить небольшой поминальный ужин. В ближайшую субботу. Всё-таки Вальдес был нашим другом. Здесь, в Сорбонне, есть ещё несколько профессоров, которые знали его лично. Соберёмся небольшим кругом, пригласим вашу группу, заодно Бюзек поймёт, как мы вас ценим.

Для Тойво все эти скорбящие соратники отныне представляли вражеский клан. Он отказался под предлогом того,

что Вальдесы его слишком личные переживания. Быть может, позже. Эганбюри согласился, дескать, пока соберёмся без вас, а потом, когда будете готовы, ещё раз с вами. Хотя было понятно, что не будет поминального ужина ни потом, ни даже в эту субботу. Предложение было сделано лишь для приличия.

Потом был Бузек. Он так же в очередной раз выразил соболезнования. И тут же деловито заявил, что подобные эмоциональные потрясения обычно дают человеку силу и творческое вдохновение, которое Тойво сможет приложить к своей работе. Они уже закончили «Защиту Лужина» и приступили к набоковскому же «Приглашению на казнь». Ощущения главного героя этого романа, Цинцинната Ц, сейчас были очень понятны Тойво по части происходящего абсурда. И подобно персонажу он лишь примирительно улыбнулся в ответ Бузеку и его циничному высказыванию.

Потом мимоходом был Дейв, они пересеклись на встречах курсах в коридоре. Тот, напротив, не выразил никаких соболезнований, как и до отъезда или они не встречались в те дни? но заговорщицки наклонил голову и сказал, что есть кое-какая интересная информация. Уточнил номер комнаты в общежитии и безапелляционно заявил, что зайдёт в гости сегодня же вечером.

Комнату Тойво делил с профессором из Бразилии. Точнее это было раздвоенное подобие квартиры с общей кухней и ванной, но сами жилища двух соседей были невидимы и

неслышимы друг другу. О бразильце Тойво знал немного: профессор истории; плохо говорит по-французски и лучше понимает по-испански, поэтому они называли себя сеньорами, сеньор Тойво и сеньор Бранко; душ занимает подолгу; по вечерам любит выпить, причём чаще всего со студентами и аспирантами. Пару раз со студентками.

Когда довольно поздно заявился Дейв, и в его руках был пакет из магазина с провизией и торчащей бутылкой какого-то алкоголя, в прихожей как раз возился сеньор Бранко. Бразилец воспринял пакет на свой счёт и заметно огорчился, когда узнал, что гость пришёл к соседу, а не к нему. Дейв повеселел и первым делом поинтересовался у Тойво, часто ли выпивают с досточтимым сеньором соседом.

– Ни разу?! Это скверно, не по-товарищески. Может, сообразим на троих? Надёжный человек?

– Он с другого факультета, едва говорит на французском и уж точно не понимает по-русски.

– Значит надёжный. То, что нужно. Тем более не водит дружбы с Эганбюри и Бузекком, а это главное. Я к тебе с гостинцами. Знаешь такое слово? У вас, у финнов есть традиция ходить в гости не с пустыми руками?

– Я не знал, что такая традиция есть у евреев. «Сообразим на троих», «гостинцы», «пошёл на », Дейв, давно хотел спросить, и раз уж мы собираемся выпить, то давай откровенно: ты русский репатриант?

– Правильно говорить русский еврей. Участник алии на-

чала двухтысячных годов. Один из последних, кстати, фартовый, как и весь мой многострадальный народ. Народ Израиля, конечно. Давид Левин, в девичестве Дмитрий Аркадьевич Левин. Переехал в Хайфу уже в сознательном возрасте, после института. Сначала думал, что временно, потом понравилось, а затем мне не оставили выбора, родной Петербург стёрли с порошек.

– Ты из Санкт-Петербурга? Единственный город России, в котором я бывал, в детстве.

– О-о! Неожиданно! Хотя финн, почему бы и нет? Реку Фонтанку не помнишь? Там, в самом центре я и провёл детство. А юность провёл на даче в Комарово, подальше от родителей, это как раз в вашу сторону, ближе к границе. Потом эмигрировал, а родители в свою очередь переехали на дачу, где и погибли со всеми. У отца и матери были слишком хорошее положение во властных структурах, они даже не думали уезжать в Израиль.

– Кем ты работаешь в Хайфе? Когда нас всех познакомили, я не запомнил, на чём ты специализируешься?

– Тут извини, такой откровенности не будет. Ты и не запомнил лишь потому, что так было нужно, это выдуманная обтекаемая должность. Меня представили сотрудником Хайфского университета, но это не так. Да, я отчасти учёный, твой коллега, но совсем из другого института. Тебе говорит что-то университет Технион?

– Что-то техническое, строительно-инженерное?

– Примерно так. Я вовсе не гуманитарий по образованию. Поэтому группа людей оформила меня задним числом как сотрудника «хайфы». Надеюсь, это останется между нами.

– Без проблем, но что за группа людей? Правительство? Диаспора? Спецслужбы?

– Э-э, не вытягивай из меня! Скажем так: ни то, ни другое, ни третье по отдельности, но что-то среднее между ними да. Видишь ли, как таковой русской диаспоры в Израиле нет. Тут не так как в Испании или во Франции. Моя страна собирала свой народ долго и со всей планеты. Конкретно русских посчитать невозможно. Известно только, что каждый пятый-шестой гражданин русскоязычный. У таких как я особая судьба. Мы, безусловно, евреи. Но и мы безусловно, русские. От этого клейма уже не отмоешься, это в крови. В то же время, как и все остальные, мы любим Израиль и готовы отдать за него жизнь. Это без шуток, никогда не пытайся поверить такое высказывание. Есть у нас такое свойство «хуцпа», не знаю, как тебе перевести, ни в русском, ни в английском языках я аналогов не знаю. У тебя есть стеклянные стаканы?

Всё это время они накрывали стол, резали провизию и теперь Дейв извлёк из пакета принесённые пластиковые стаканчики, но не спешил ставить их на стол. Тойво задумался и вспомнил, что стаканы точно есть у соседа, их ритмичный стук он неоднократно слышал за стеной ранее.

– Ну, тогда без бразильца никак. Зови сеньора историка,

бог троицу любит.

Тойво вышел не более чем на 20 секунд, и первым обратно к Дейву явился Бранко со стаканами. Как будто был наготове. Дейв сперва растерялся, на каком языке к нему обращаться.

– Do you speak english?

– Of course! A little bit Mon ami Mon amigo

– Он ведёт лекции на английском Вставил Тойво Но выпив, скатывается к испанскому. По крайней мере, со мной так. И судя по всему, сеньор Бранко уже успел начать до нас.

– Понятно. Буду пользоваться утекающим англоязычным моментом. Сеньор Бранко, как вы относитесь к русским и русской водке в частности?

– О! Так вы русский? Спросил профессор у Дейва, но в конце вопроса соскользнул взглядом на Тойво.

– Нет, я испанец финского происхождения. А мой гость еврей, русского происхождения. Только и всего. Просто мы оба работаем сейчас с русской литературой.

– О! Ясно. Водка мне нравится. И русские тоже. У нас в Бразилии их немного, но они есть. Однажды я проезжал штат Мату Гроссу, увидел православную церковь. Очень, очень красиво. Я даже свернул и зашёл внутрь. Разговорился со священником. Необычная история. Точно не помню, но его предки почему-то бежали из России сначала в Китай. А оттуда их выгнали уже в Бразилию.

– Белогвардейцы, точно определил Дейв из России бежали после октябрьской революции, а из Китая после ухудшения отношений с СССР в середине прошлого века.

Тойво не терпелось вернуть разговор, прерванный появлением соседа. Ему пришла в голову гениальная, хотя и грубая идея. Он достал наушники и чуть ли не насильно стал совать их бразильцу.

– Сеньор Бранко, рекомендую вам послушать русскую музыку. Мы с Дейвом всё равно будем болтать о работе, да ещё и на русском. По крайней мере, некоторое время. Нам надо кое-что обсудить.

Бранко не почувствовал никакого подвоха, назвал это О! хорошей идеей, и лишь предложил напоследок тост «за культурные связи» перед тем как нацепил наушники. Дейв оценил манёвр.

– Ловко. Так какой отрывок из Набокова ты хотел со мной обсудить?

– Тот, что про шпиона Левина и его тайное задание в университете Новая Сорбонна.

– Понятно. Ну, так вот. Израиль всегда отличался самостоятельной внешней политикой. И в отношении геноцида русских в том числе. А это именно геноцид, Тойво. Уничтожение самой большой в мире страны 15 лет назад и сегодняшние события: информационная кампания по дискредитации диаспор, точечные непубличные убийства и даже наш с вами проект букморфинга всё это звенья одной цепи. В мо-

ём правительстве достаточно умные люди, которые понимают это. Но и достаточно умные, чтобы препятствовать этому. Ты знаешь о частной военной компании «Фокстерьер»? Нет, это не слухи. Она действительно существует, у неё обширная мировая сеть и серьёзные покровители. Нашей разведке даже не пришлось выискивать нити. Фоксы и их учредители сами несколько лет назад вышли на Иерусалим с требованием открыть представительство и оказывать всяческую поддержку их грязной работе. Мы прогнали их прочь. Так же поступили и ещё несколько государств, совсем немного, которые способны вести самостоятельную, а не вассальскую политику. То же самое, кстати, делает и Китай. Но у нас разные цели. Китайцы перехватили роль лидера в той части полушария. Теперь они покровительствуют Средней Азии, а именно там, если ты не в курсе, осталась самая большая диаспора русских. Убийцы России как-то не учли, что в одном только Казахстане осталось три с половиной миллиона русских. Плюс Узбекистан, Киргизия, Таджикистан, Туркменистан для мировой элиты это просто очередные мусульманские «станы». Но Китай оценил ситуацию правильно. Теперь он не даст эти страны в обиду и проводит очень лояльную к оставшимся русским политику. Говорят, что даже создаёт на своей территории закрытые от чужого глаза анклавные территории с русским населением. Видимо, хочет усилить свою культуру, науку, а то и кровь русской компонентой. Это не эзотерика, а факт, доказанный как раз на примере Израиля. Од-

нако если Китай в начале пути как всегда выжидает, то мы напротив, готовы действовать. В своё время русские помогли нашей стране, теперь мы готовы помочь им. Мы знаем, что такое народ без земли, мы знаем, что такое геноцид и негативное отношение к целой нации. Задача минимум спасти как можно больше. Задача максимум остановить геноцид русскоязычной части планеты.

– Кью! Внезапно закричал профессор Бранко. Довольно громко, как и все люди в наушниках, которые пытаются перекричать слышимую только им музыку. Дейв, не разобравшись, решил, что сеньор на каком-то диалекте требует наполнить стаканы и потянулся к бутылке. Но Бранко продолжал выкрикивать «Кью», тыча на свою голову. Тойво заподозрил, в чём дело, забрал наушники и прислушался. И правда, похоже на британскую группу «The Cure». Только поют по-русски. Дейв с интересом потребовал наушники себе.

– Обалдеть! Сто лет не слышал. Я лично знал некоторых фанатов этой группы, которые за ваши упреки в плагиате у «The Cure» набили бы вам морду, сеньор Бранко. На ваше счастье они погибли 15 лет назад. Это слишком знаковая и легендарная группа для русских. Называется «Кино», это голос Виктора Цоя, который я узнаю по первым секундам звучания. Вы только послушайте: «Мы хотим жить, Мы живучи как кошки. И вот мы пришли заявить о своих права-а-ах, да! Слышишь шелест плащей это мы!» Твою мать, у меня аж слёзы наворачиваются.

Картина была столь трогательной, что Бранко с пониманием вынул бутылку из рук Дейва и сам принялся наполнять стаканы. А хмельной Тойво, чтобы сбить ком, подкатывающий к горлу, спросил:

– Цой? Это русский китаец?

– Кореец. Слышал поговорку «Пушкин наше всё»? Так вот «Цой наше всё» моего поколения. Смешно, кстати, сто лет назад Южная Корея, которая заочно воевала с СССР в лице Северной Кореи одна из первых стала запрещать у себя продажу русской музыки. Можешь себе представить, что пластинки Чайковского изымались из продажи? Чайковского! Не песен даже, а классической музыки!

– No way! You mean North Korea? заметил бразилец. Тойво удивился, что Бранко понял русскую речь и воззрился на стол: неужели это водка творит чудеса? Дейв даже не заметил этого момента и продолжил по-русски.

– Нет, не Северная, а Южная. Демократическая свободная Южная Корея одной из первых стала бороться с русской культурой. Потом, правда, там зародилось левацкое движение и многие советские книги, наоборот, стали популярны. Но факт был, Чайковского корейцы запрещали. А сами того не зная, подарили нам другое культурное явление, Витю Цоя. Что тут у тебя за непонятные названия?

Дейв изучал меню плеера в надежде найти ещё что-нибудь знакомое. Тойво объяснил происхождение файлов, рассказал про Лену Вальдес и её опасения на предмет чистки ин-

тернета от композиций не только Чайковского, но и вообще всей русской музыки. Дейв и в этот момент не выразил соболезнований, а деловито заявил:

– Резонно. Хотя шифр примитивный. Это фантомные русские буквы в раскладке англоязычной клавиатуры. Заметь, между прочим, что сейчас ты практически нигде не купишь гаджета с русской клавиатурой. Это тоже делается намеренно. Только мы в Израиле ещё выпускаем такие устройства и программы. Дай-ка вспомнить раскладку: RBYJ группа «Кино», LLN должно быть, группа «ДДТ». У твоей Лены хороший вкус Был. Тут полно больших русских поэтов-песенников. Согласитесь, сеньор бразильский историк, в наше время поэзии не так мало как в прежние века. Просто стихи чаще всего упаковываются в песни?

Бранко кивнул, хотя может, и не понял на этот раз, о чём его спросили. Тойво признался, что изучая русскую литературу, в меньшей степени интересовался именно поэзией. Полагал, что все поэты немного коверкают язык под текущую надобность формирования рифмы и строя стиха. И привёл в пример всё то же выдуманное Пушкиным «самостоянье». Дейв согласился, но призвал изучать поэзию и песни для понимания широты мысли русского языка. И тут же выдернул наушники из гнезда, как бы приглашая всех убедиться в этом лично.

Из динамиков раздался хриплый голос « Да скатилась по золе Убитых Песен, да мне нечего терять. Мир так тесен.

Дай-ка брат тебя обнять ». Все трое откинулись на своих стульях и слушали музыку. Через некоторое время Тойво нехотя раскрыл глаза.

– Дейв, ты говорил у тебя какие-то новости. Про барселонскую библиотеку?

– Не сегодня, друг. Давай не будем портить момент.

На следующий день Тойво пришёл на работу в жутком похмелье. Водкой накануне не ограничилось, Бранко любезно принёс из своих запасов, кажется, джин. Дальше этого момента ничего не вспоминалось. Только играли в голове песне, слов которых Тойво не запомнил, но упорно хотелось подвывать хотя бы. Так, подывая, он явился своим коллегам. Взлохмаченный, с рубашкой навыпуск, с замутнённым взглядом и несвежим запахом, если судить по отпрянувшему Колмару. Инес сдерживала смех, а Бузек хотел было пристыдить, но осёкся, вспомнив, что Тойво законно поминал своего погибшего товарища.

– Я бы отпустил вас сегодня, но вы уже пропустили неделю. Надо навёрстывать. Кстати, вы вовремя. Мы как раз обсуждали возможные варианты имени для главного героя.

– Имени? Мы же по-прежнему работаем с «Приглашением на казнь»? Что не так с Цинциннатом?

– Его фамилия-обрубок. Набоков вопреки своей практике не раскрыл полного имени героя. И вот это его «Цинциннат Ц.» выглядит как недосказанность. Русские очень часто в

своей литературе используют таинственные города «N» или князей и графов «K-ских». В 19 веке это считалось нормой. Но сегодняшний читатель, имея под рукой интернет, наверняка захочет проверить, кто является прототипом

– И сможет случайно нарваться на реальный текст произведения?

– Ну да В том числе. В общем, эта неопределённость только отвлекает читателя. Мы же так решили? С нажимом спросил Бузек у Колмара и Инес. Британец покорно кивнул, девушка неопределённо пожала плечами. Тойво не стал спорить и выпалил:

– Цой.

– Что, Цой?

– Цинциннат Цой.

– Китаец что ли? Оживился Колмар.

– Наверное. А может, кореец.

Бузек внимательно смотрел на Тойво и мысленно пробовал словосочетание на вкус. Похоже, ни он, ни коллеги не почуяли подвоха. Если получится, то в их новой книге будет скрыт некий код «для своих». Если, конечно, Дейв не преувеличил, что Цоя знает каждый русский. Бузек, наконец, озвучил свой вердикт:

– Цинциннат Цой. Звучит. Причём довольно лаконично и интернационально. Принято.

Сам Дейв очень смеялся над этой проделкой, когда они встретились за обедом в закускойной. Но потом резко стал

серьёзным.

– Ты определённо наш человек, финн. Послушай, вчера у нас было не просто застолье. Я присматривался к тебе и применил самый доступный способ заглянуть незнакомцу в душу. Традиционный русский способ «пьянка». Твой молодой организм быстро ослаб после первой бутылки, в то время как мы с Витей ты знаешь, что сеньора Бранко зовут Виктор? – долго сохраняли трезвость мысли и чутьё после водки, джина и пива.

– Было ещё и пиво??

– О-о Ты совсем ничего не помнишь? Джин тоже быстро закончился и сеньор сосед сбегал за кредитом к кому-то на другом этаже. Кредитом оказались несколько банок пива. А ведь ты тем временем раскрылся мне полностью. Как на детекторе лжи. Есть такая еврейская поговорка «Вошло вино, вышла тайна».

– Мне стоит краснеть за сказанное? Или за сделанное?

– Ничуть, ты был молодцом и высказал всё, что думаешь о букморфинге, Бузек-Геббельсе и ещё о каком-то пограничнике тут я тебя не совсем понял. Но это неважно. Понимаешь, мне потребуется твоя помощь. Со мной тут, в Париже есть несколько соратников-соотечественников. Ну, из Израиля. Однако дело, которое мы хотим проверить, требует соучастия кого-то внутри университета. Посмотри, что раздобыли мои друзья.

Дейв запустил видеофайл на своём смартфоне, и протя-

нул в сторону Тойво, чуть отведя экран в сторону от случайной публики в закускойной. Видео было снято тайком. На нём какие-то люди неопрятной наружности стояли у большого грохочущего станка. Затем открылся поддон, и люди унесли выгрузили что-то похожее на сено. Затем открыли верхнюю крышку и стали загружать туда из коробок книги? Тойво вздрогнул.

– Барселонская библиотека?

– Нет, это пришло из университета Инсбрука. Русская литература, которую так же разделили на новое и повторное. Новое оставили у нас в Сорбонне, а вот куда отвезли остальное мы смогли отследить. Это Иври-Сюр-Сен, пригород Парижа.

– Евреи-На-Сене? Связвил Тойво, с похмелья он становился грубоват и саркастичен.

– Не поверишь, мы с ребятами тоже сперва так подумали. Но оказалось, что городок назван в честь какого-то древнего галльского племени. А сегодня Иври-Сюр-Сен специализируется на переработке мусора. Привезённые из Инсбрука книги прямиком отправили в измельчитель бумаги. Заметь, как практично. Не сожгли в духе Рэя Бредбери, а по-современному пустили на переработку.

Видео закончилось, Дейв замолчал и отвернулся в окно, дав время на осмысление ситуации. Тойво был ошарашен. С минуту он молчал, понимая, что и его книги из Барселоны тоже превратились в туалетную бумагу. И лишь потом его

мысль засуетилась.

– Вы сдали эту улику в полицию? В Интерпол? Эганбюри знает об этом? Знает, что вы знаете? Кто вовлечен в происходящее?

– Воу-воу! Не спеши. Ты мыслишь как всякий добропорядочный европеец. Как интеллигент, столкнувшийся с произволом. Или как у нас говорили, с беспределом. Намекну тебе, что стандартные подходы здесь не сработают. Нужна более обширная доказательная база. Это даже если идти привычным законопослушным путём. Что по нашим оценкам бесперспективно, хотя копить улики мы продолжим. С волками жить по-волчьи выть. Не сталкивался с такой поговоркой? Нет? Но об этом позже, а пока нам нужна упомянутая доказательная база. Как ни странно, проследить путь до Иври-Сюр-Сена оказалось проще, чем проникнуть на место хранения выживших книг внутри самой Новой Сорбонны. Мы знаем только, что из Инсбрука общая партия была доставлена университетским микроавтобусом, но не в сам университет, а почему-то на склад торгово-логистической компании в соседнем квартале. Я, признаться, оплошал, когда напрямую сунулся через контрольный пункт с нашим стандартным бейджиком сотрудника университета. Дескать, я за книгами. Это не сработало и более того, навело охрану на подозрения относительно моих истинных целей. Видимо, такие как мы там оказаться не должны. Они стали выяснять что-то и куда-то звонить. И я едва успел свести всё к недо-

разумению.

– Они звонили Эганбюри? Он теперь в курсе, что ты чего-то вынюхиваешь?

– Вроде бы нет. Кстати, я едва не столкнулся с ним, когда уходил оттуда. Он однозначно приехал ознакомиться с инсбрукской посылкой. Мы продолжили наблюдение, и той же ночью со склада выехал этот же микроавтобус в направлении Иври-Сюр-Сена. Он отвёз повторяющиеся книги, которые отсеял Эганбюри. А вот что происходит внутри склада, каковы масштабы собранной коллекции и почему они не хранятся в основной библиотеке мы так и не знаем. Охрана у этого здания гораздо серьёзнее, чем того требуют интересы частного бизнеса.

– И тут, кажется, ты собираешься попросить меня о чём-то?

– Верно. У нас нет своих людей внутри Сорбонны. По сути, я один засланный агент. Но моё лицо уже знакомо охране склада. Их там, за пультом видеонаблюдения, обычно двое. Однако один из них, старик, сидит на месте ежедневно. Меняются только напарники. Взять нахрапом не получилось, и теперь нужен план «Б», с твоим участием. План аккуратный, неспешный, продуманный. В вашей группе методистом работает Инес Кювье. Она имеет доступ внутрь склада. Её можно как-то использовать.

Тойво не понравилась идея с Инес. Подставлять девушку не хотелось. А вот у него самого снова разгорелся азарт, схо-

жий с тем, что случился с ним на пограничном контроле в поезде.

– Я полагаю, всё проще, чем ты думаешь. Не хочется говорить, что я круче всей израильской разведки, но попасть на склад и сфотографировать условия хранения русских книг, их количество и картотеку мне вполне по силам.

– Нет, Тойво. Ты не понял. Фотографии не нужны. Мы должны похитить всю русскую библиотеку.

6.

Вадим Лушников облегчённо вздохнул, получив подтверждение из типографии, что номер газеты успешно отправлен в печать. Хотя был четверг, для него это означало конец ещё одной недели. Он уже привык ещё со времён России, что главные редакторы живут не обычными отрезками времени, а от выпуска к выпуску. Сдал номер в срок расслабься, начинаем по новой. Его газета «Утренний курьер» выходила еженедельно по пятницам. Выходила в бумажном виде, при том что печатная пресса в основном уже вымерла. Он, конечно, тоже в своё время завёл интернет-приложение, и всё шло к тому, что от бумаги придётся отказаться. Однако после гибели исторической родины многие его читатели и друзья-соотечественники стали просить, чтобы единственная русскоязычная газета Кипра сохранилась в классическом бумажном виде. Этакая духовная скрепа, пахнувшая типографской краской. Забавно, но за такое проявление ностальгии потре-

бители согласились платить дороже.

Это позволило и обеспечить рентабельность печати, и усилить редакцию. Толковых журналистов на острове катастрофически не хватало. Молодёжи не было вообще и в его редакции работали в основном возрастные соотечественники. С ними работать тяжело. Зарплату опытным нужно платить большую, а редакционную политику проталкивать с трудом. Они великовозрастные зазнайки со своим мнением, и править их тексты приходится в спорах.

Вот и сейчас они чуть не опоздали со сдачей в типографию, потому что Лушников целый день спорил с Ковязиным как подавать главную тему номера. Ковязин, который в прошлой жизни был заштатным телерепортёром где-то в Астрахани или Архангельске и эмигрировал как истинный либерал прочь от российской цензуры, подавал гибель Антониса Демескоса чуть ли не с сарказмом. «Жил-был такой-то сынок олигарха, наследовал бизнес, порвал связи с соотечественниками и был наказан самим богом». Демескос погиб на горе Олимпос. Раньше это был не очень популярный горнолыжный курорт для редких любителей, теперь же, ядерная зима пошла ему на пользу, и самая высокая точка Кипра стала и самой снежной. На горе построили новые подъёмники, но такие как Демескос катались по индивидуальным трассам используя личные снегоходы, а то и вертолёты. При очередном подъёме вертушка Демескоса потеряла управление и рухнула на оголённый скальный участок. Лётчик и элитный

пассажир погибли сразу.

Лушников знал покойника шапочно, но всё равно считал его одним из достойных сыновей своего народа. Компании его отца раньше рекламировались в «Утреннем курьере». И уже поэтому издание должно осветить смерть Демескоса с почтением. Русских на Кипре осталось не так много. Успешных русских и того меньше.

По крайней мере, выбранный журналистом Ковязиным заголовок для передовицы был грубоват – «Падение с Олимпа». Конечно, как журналист Ковязин попал в точку. Действительно падение было с Олимпа. Но контекст, который читался в статье намекал на другое, зазнался оторвался взлетел высоко упал насмерть. То, что название статьи получилось с подтекстом, опять же, нравилось главреду Лушникову. Но не в этом случае, поймите же, Ковязин, это не патриотично, давайте назовём наш некролог, например «Предпоследний русский». Ковязин вскипал и кричал, что какого чёрта Демескос должен быть предпоследним, да ещё и русским? И Лушников убеждал его, что в таком названии тоже скрыт подтекст, но уже политически правильный. Дескать, читатели поймут, что последние русские это как раз все они, все мы. И нужно беречь друг друга, невзирая на личные неприязни.

«Предпоследний русский» всё же категорически не устраивал Ковязина. Сошлись на компромиссном, а потому не таком ярком заголовке «Гибель на Олимпе». Плюс кое-что

поправили в самом тексте статьи-некролога. Ковязин ушёл внутренне обиженный, главред чутко фиксировал такие вещи. Они были ровесниками, но не становились друзьями. В работе Лушников придерживался правила не заводить друзей. Ковязин, кстати, тоже не стремился к сближению, что впрочем, не мешало им ходить по пятницам на волейбол в спортзал другого соотечественника, бывшего знаменитого теннисиста.

Завтра, значит, не пойдут, рассоренные. Чем занять пятницу, которая в его графике считалась основным выходным днём после сдачи номера в печать? Семьи у Лушникова не было, он предпочитал свободные отношения благо, что их предпочитали и многие современные женщины. Встретиться, что ли, с этим болгаринном, который приставал всю неделю через почту и телефон? Они и так договорились о встрече на завтра, но Лушников пассивно ждал, когда в голову придёт какая-нибудь отговорка, чтобы сообщить её болгарину в последний момент. Теперь же всё складывалось так, что время для встречи есть. Кажется, в почте маячило пришедшее днём письмо. Да, точно, Петко Митев прислал вопрос «На завтра всё в силе?» В пылу редакционного спора с Ковязиным Лушников не обратил на письмо внимания. Ответил: «Так точно! Ресторан Горизонт, 13:00».

Так точно! Бывший военный что ли? Надо дополнительно узнать у Керима болгаринном был ни кто иной, как Стоун. По-

лучив финальное подтверждение от Лушниковова, он создал летучку. Аналитики, впрочем, опровергли предположение, что объект был военным служащим. Даже в армии не служил, ни в российской, ни тем более на Кипре. Просто диктаторские главредовские замашки.

У местной русской диаспоры не оказалось никакой формализованной структуры. Были только определённые центры активности. Ресторан «Горизонт», принадлежащий братьям Акунбековым. Сеть кофеен «Арбат». Яхт-клуб «Самсон» в Пафосе. Два фитнес-клуба в Никосии и Лимассоле. Плюс некоторые православные церкви и некоторые резиденции богатых русских, устраивающих вечера. Раз в год 9 мая русскоязычные собирались на свой национальный праздник на одном и том же месте на побережье. Вроде как по историческому поводу победы над фашизмом, однако содержание мероприятия походило скорее на большой пикник с музыкой, танцами и барбекю.

Неформальным культурным центром можно было считать разве что газету «Утренний курьер». У неё был приличный тираж, пять тысяч экземпляров. И как выяснилось, раскупался тираж практически полностью. Главный редактор Вадим Лушников не ограничивался рекламой русских магазинов и спа-процедур, но и позволял себе большие пространственные статьи и том, чем живёт русский мир на острове, и про то, что всем своим надо держаться вместе.

Решено было сблизиться с Лушниковым. Новая легенда

для Стоуна предполагала, что он болгарин Митев, который хочет выпускать на Кипре аналогичную газету для своих соотечественников. И остро нуждается в консультациях русского коллеги. На Кипре была обширная болгарская диаспора, но она была ещё более разрозненная, чем русская. Оценки её численности колебались от десяти до тридцати тысяч человек, поскольку основная масса болгар приезжала сюда на заработки, вахтовым методом. Осёдлых болгар было не так много и концентрированно они не держались. По крайней мере, газету не выпускали точно.

Предполагаемая тактика фоксов в отношении русского главреда слегка отличалась от того, как они поступили в прошлый раз с Демескосом. Стоун так же должен был лично контактировать с Лушниковым. Керим и аналитики так же должны были контролировать переговоры дистанционно. Но игра в этот раз предполагалась долгая. Нужна была серия встреч, в ходе которых выяснились бы подробности жизни диаспоры, отношения между участниками, действующие лица, личные интересы, слабые места. Возможно, и даже наверняка, сам Лушников станет лишь первой ступенью, сведёт с более влиятельными людьми или группами. Стоун оправдывал встречу именно в ресторане:

– Лучше всего с русскими пить! Встречаться будем только в кабаках и ресторанах. Так дело пойдёт быстрее.

Не напьётесь ли вы до того состояния, когда язык развяжется не у объекта, а у вас, Стоун? Сурово заметил Керим.

Сидевший тут же Олдман удивился, что к его боссу обращаются в таком тоне. Да ещё и доходяги из аналитического отдела. Происходи такое пару лет назад в Норильске Керим бы уже вытирал кровь из носа. Как минимум. Олдман знал это, потому что видел повадки босса своими глазами там, в Норильске. А тут Стоун не то что стерпел, но даже как-то прилично ответил, не матерясь.

– Керим, судя по твоим девственным векам под глазами пил я побольше твоего. И контролировать себя умею. Даже если я напьюсь в стельку и начну выкладывать расположение нашей базы на острове, то ты всегда успеешь послать мне сообщение. Стоун попытался вложить в сказанное как можно больше сарказма. Он тоже понимал, что его боевой товарищ Олдман не привык к умничающим аналитикам, мнение которых нужно учитывать.

Киллера Олдмана вызвали из Испании. Чтобы, во-первых, отчитать его за грубую работу с ликвидированной профессоршей. А во-вторых, проверить операцию «Олимп» с устранением Демескоса. Первую часть с порицанием Стоун выполнил откровенно наплевательски, ограничившись фразой в адрес Олдмана: «Поаккуратней со случайными жертвами, старина. Наши боссы наложили в штаны и нервничают». А вот в ликвидацию Демескоса Стоун и Олдман вложились всей душой. Разузнали про намерение объекта показаться на сноуборде на Олимпе. Выяснили, что обычно он использует не подъёмник, а личный вертолётчик. Всё осталь-

ное было делом техники, в буквальном смысле. Подключили британцев, у тех как раз на вершине Олимпа расположена радиолокационная база. Выделенный в помощь фокстерьерам британский полковник весьма кстати имел раздражённое отношение к богачам, взявшим привычку летать вблизи базы на вертолётах. Это не разрешалось, но Демескос и ему подобные всегда плевали на запреты и наглым образом курсировали в опасной близости на своих вертолётах.

И вот военным подвернулась возможность наказать одного из таких. План Стоуну предложили именно они. Точнее, не вдаваясь в засекреченные подробности, просто предупредили: в такое-то время вертолёт Демескоса потеряет управление и упадёт. Будьте готовы. Стоун и Олдман под видом горнолыжников сидели на снегоходе под горой. Наблюдая, как курсировал вертолёт Демескоса. Скатился раз. Скатился второй. И вот он, третий заход, оговорённый с британцами. Вертолёт рухнул беззвучно. Наверное, какой-то радиоволновой импульс. Фоксы рванули в гору к месту падения. Оружия не брали, в чехлах с лыжами лежали обычные молотки. Нужна была имитация тупого удара. Это если в вертолёте остались выжившие. Но британцы попали удачно, вертолёт упал мордой на торчащий кусок скалы. Тела Демескоса и лётчика истекали кровью и не подавали признаков жизни.

Лео Паниотиса, соратника Демескоса по политическим интригам, который тоже знал Стоуна в лицо, убрали в тот же день вечером. Банально зарезали в подворотне и распо-

трошили кошелёк для видимости ограбления. Стоун указал на объект и прикрывал, не выходя из машины. Олдман профессионально и быстро исполнил, и они вернулись на базу.

И вот воодушевлённый блестяще проведённой операцией «Олимп», а также присутствием, пусть и временным, старого дружка Олдмана, Стоун раздавал указания аналитикам Керима перед новой операцией «Болгарин». Для завязывания плотного контакта с Лушниковым требовались какие-то ниточки личного характера, знание его привычек и слабостей. Пока выходило немного: женщины, увлечение хоккейной лигой НХЛ и волейболом. С женщинами фоксы, жившие на Кипре изолировано, ничего предложить не могли, тут не помогли бы даже дружественные британские соседи. К хоккею и волейболу Стоун относился скептически и просил накопать ещё что-нибудь. На собранной перед операцией планёрке он снова задал этот вопрос. Аналитики молчали: либо не нашли других зацепок, либо не искали.

– Железница? Произнёс, наконец, Адам, самый молодой из присутствующих. И посмотрел в этот момент на Керима, с едва заметной усмешкой. Видимо, уже обсуждали. Стоун заметил эти взгляд и усмешку.

– Что за железница?

– Лекарственная трава. Пастуший чай. В одном из писем своей очередной подруге Лушников звал её в горы за сборами железницы. Я подумал, что это какие-то эротические

фантазии, но действительно на Кипре растёт такая трава. Лушников пишет, что ему она напоминает цветы липы, вкус из прошлой российской жизни. Он её, кажется, собирает и сушит.

– И курит? С наигранной надеждой спросил Олдман.

– Пьёт. Как чай. По крайней мере, у него есть привычка одиноко или с бабами бродить в диких местах. Пригодится на случай, если придётся его ликвидировать.

– Болван! Нам его не нужно ликвидировать, нам с ним нужно подружиться. Короче, ясно, уважаемые аналитики, толку с вас ноль. Придётся импровизировать.

Они ещё раз проговорили легенду. Петко Митев, болгарин, который давно уехал с родины, жил и работал в Чехии и Австрии там Стоун хотя бы бывал, а вот Лушников вроде нет, никаких общих знакомых и памятных мест. Полгода на Кипре, работает в охранной фирме, но когда-то в молодости печатался в местной газете в Софии, вёл автомобильную колонку. Удручён состоянием болгарской общины на Кипре и хочет растормошить её, начав выпуск газеты. Нашёл пару-тройку болгар-соратников. Деньги вроде бы готово выделять правительство самого Кипра на грантовой основе по программе развития культурных автономий. Керим ещё раз зачитал вслух условия участия в этом гранте, который существовал в действительности. От Лушникова им требуется консультационная помощь: где печататься, какое юридическое лицо регистрировать, где взять площади под офис, как

распространять газету и так далее. Стоун поинтересовался у Керима, что с лайнером.

– Подходящий лайнер нашли. Устаревший, но на ходу. Вместимость три с половиной тысячи, можно повесить до четырёх тысяч. Плюс подлатать, покрасить, на всякий случай организовать предварительный коммерческий рейс с какими-нибудь немцами чтобы было ощущение регулярной работы и можно отправлять корабль к Кипру.

Это была финальная часть планируемой операции «Болгарин». Фокстерьеры намеревались через Лушникову или кого-то ещё вбросить русским идею собраться на большом круизном лайнере. Через несколько месяцев намечался значимый для русских праздник День победы, 9 мая. Здесь на Кипре у диаспоры не было памятных мест, власти предлагали возлагать цветы к общему мемориалу в честь погибших во время Второй мировой, в Ларнаке. Русских такое предложение не устраивало и вместо памятника они просто собирались на побережье в живописном месте.

Идея фоксов заключалась в том, чтобы предложить Лушникову через «болгарина» Митева организованную экскурсию в болгарский город Пловдив, где установлен памятник русскому солдату «Алёша». Этот воин-монумент известен практически каждому выходцу из России. Многие все страны снесли подобные памятники, но пловдивский «Алёша» сохранился. Болгары утверждали, что он посвящён не русскому, а любому вообще солдату Второй мировой войны.

Предполагалось, что Митев случайно узнав от Лушников-ва, что русские отмечают свой праздник на безликом побережье Кипра, огорчится за братьев-славян и предложит им масштабный тур в родную Болгарию к «Алёше». Дескать, есть связи в турфирмах и большая скидка на круизный лайнер. Лушников расскажет об этом своим соотечественникам, возможно через газету, пусть даже путём оплаченной статьи, но многих русских такая идея привлечёт. Собрать тысячу-две объектов на один лайнер, торжественно проводить от Кипра и утопить где-нибудь на полпути в Эгейском море. Не рифом, не мелью это будет слишком долго и многие спасутся а, например, внезапной морской миной эпохи прежних войн. Но это уже детали. Сейчас главное найти лайнер, и он, похоже, найден. Про предполагаемый маршрут доложил Костас.

– Отправим судно из порта Ларнаки. Остановки с развлекательной программой на Родосе и в Стамбуле. Прибываем в порт Бургас и оттуда фрахтуем железнодорожный состав до Пловдива. День-два живём в Пловдиве, кто-то в гостиницах, кто-то в специальном палаточном лагере в зависимости от финансовых возможностей и выбранного турпакета. Обрат-но на выбор: либо тем же маршрутом по железной дороге и морю, либо чтобы не отпугнуть деловых и занятых органи-зуем прямой авиарейс лоукосетром из Пловдива до Ларнаки. Тогда тур займёт не две недели, а одну. Понятно, что ни-какого тура не будет, и дальше Стамбула никто из объектов не уплывёт, но мы должны продемонстрировать «клиентам»

полный маршрут.

– Всё верно. И напичкай тур всевозможными развлечениями. Русские любят олинклюзив и бесплатный алкоголь. Пропиши дополнительно увлекательную детскую программу. Стоимость на всё это должна быть минимальной. Но не подозрительно маленькой, а вызывающей впечатление доступности. Увильнуть не должны ни бедные, ни юные. Стоун теперь был уверен в успехе предстоящей операции. Главное чтобы завтрашняя встреча прошла эффективно.

Лушников явился в ресторан «Горизонт» чуть раньше назначенного срока. Привычно поздоровался с управляющим и официантами всё это были русские ребята. Хозяева заведения, братья Акунбековы, были русскими киргизами или таджиками, но персонал подбирали типично славянской внешности. Занял своё традиционное место, подальше от входа-витрины, как он его определял: на виду у тех, кто внутри, но не у тех, кто снаружи. Телефонами с болгаринном он не обменивался, достаточно уже того, что он, главред «Утреннего курьера», согласился на эту встречу. Заказал кофе, взял свежий выпуск своей же газеты и стал его пролистывать, поглядывая на входящих.

Болгарина он узнал сразу. Тот появился ровно в час, пришёл откуда-то пешком, бросил взгляд на Лушникова, но тут же отправился к официанту. Одет гость был скорее по-рабочему: стоптанные ботинки и потёртые джинсы, свежая,

впрочем, футболка, чуть ли не с этикеткой. Стрижка короткая, усики мерзкие. Официант, выслушав нового посетителя, указал кивком головы на Лушникова. Болгарин неуклюже пробрался между столиков и уселся рядом. Представился: Петко Митев. Да, точно, Петька Митев Лушников спохватился, что забыл имя гостя. Митев сразу заговорил на английском, но предложил «Вадыму» говорить по-русски, если тот пожелает. Дескать, этот язык болгарину понятен, хотя сам он говорит по-русски плохо. Лушников, в свою очередь отказался от русских ответов, согласившись на равное англоязычное общение.

Болгарин предложил по пиву, но это не входило в планы Лушникова. Он, конечно, мог приступить к алкоголю в середине дня и делал так неоднократно, но выпивать с братом-славянином пока не хотелось. Тогда гость заказал себе мезе, большой комплексный средиземноморский обед как будто специально растягивал время. А может, правда, был попросту голодным?

Поначалу Митев говорил сбивчиво, смущённо, но не отводя пристального взгляда. Периодически заглядывал в свой телефон, словно выискивая там подсказки. Наверное, подглядывал в электронный переводчик. Он долго не переходил к делу, сначала расхваливал красоту русских женщин, противно подмигивая. Затем вдруг спросил у официанта, есть ли в ресторане спортивный канал, ведь завтра играют Вашингтон и Филадельфия? Это было очень странно, неужели

болгарин собрался приходить сюда завтра, чтобы смотреть матч НХЛ? Потом заказал себе чай с какой-нибудь местной травой и спросил совета у Лушникова. Эта комедия наскучила, и Вадим резко оборвал болгарина, сославшись на нехватку времени.

Митев затараторил про свой жизненный опыт, про то, что печатался когда-то в газету, про то что восхищён «Утренним курьером» и той ролью, которую газета играет в жизни русской диаспоры. Посетовал, что его соотечественники не то что не выпускают газет, но и вообще живут на Кипре по отдельности, не по-православному, и не имеют даже оформленной культурной автономии. Лушников удивился, ему казалось, что болгары вполне себе сплоченная группа на Кипре. Он знал некоторых лично, на бытовом уровне как таксистов или продавцов в магазинах, однако знал и про официальный культурный центр болгар в Никосии на улице Тисеос. Этот контраргумент немного огорошил Митева и остановил его словесный поток. Болгарин начал оправдываться, что центр на улице Тисеос мало кто посещает, что он якобы в упадке. Затем он снова заглянул в свой телефон и как-то с облегчением добавил: учреждение в Никосии всего лишь языковая школа, а никак не культурный центр болгарской диаспоры.

Хорошо, газета так газета. Лушников, глядя на трапезу Митева, тоже проголодался и заказал себе салат и мясо. Он решил побыстрее отделаться от болгарина, выложив тому

все расклады и риски, связанные с изданием газеты. Разговор превратился в монолог. Пока готовили блюда Лушников вываливал на Митева большие порции информации. Вёрстка, отдел продаж, типография, цветность, качество бумаги, тираж, периодичность, распространение, законодательство о рекламе, налоги, подбор персонала, регистрация, внештатники, продвижение, пресс-центр всё это вбивалось в голову болгарину, который едва успевал делать пометки в блокнот. Даже когда принесли салат и Лушников временно занял свой рот, болгарин ничего не спрашивал, обдумывая всё сказанное. Вадим вошёл в раж и начал снова грузить собеседника терминами, иногда даже выдуманными на ходу. Митев совсем растерялся и в этот момент чем-то даже растрогал Лушникова. В нём проснулся главред, он уже планировал послать своего журналиста Ковязина писать статью про несчастную разрозненную болгарскую диаспору противопоставляя ситуацию сплочённой русской семье на Кипре. Потом вдруг решил, что строптивому Ковязину такую статью лучше не доверять, а написать её самому. И вот уже совсем по-отечески, заказав себе и Митеву по кружке пива, предложил будущему болгарскому коллеге посетить в понедельник офис «Русского курьера» и лично увидеть работу редакции.

– Петко, вы курите?

– А разве здесь можно?

– Мне можно. А значит и вам. Угощайтесь. Когда-то в детстве, в России, я таскал у своего отца именно болгарские си-

гареты «Шипка», сейчас их делают?

– Помню-помню – «Братская могила». Мы больше охотились за маркой «Опал». Её выпускали только на экспорт, для вас, русских. Давно пытаюсь бросить курить, но в этом дерьмовом радиоактивном мире лучше дышать через фильтр. Пусть даже сигаретный.

– Прямо в точку! – Лушников рассмеялся. Этот болгарин не был похож на остальных, он начинал нравиться главреду.

С той встречи прошло уже три недели. Стоун азартно ликовал, всё шло по плану. Контакт с Лушниковым налажен и становится всё теснее. Хотя Керим утверждал, что главред просто использует болгарина для написания статьи, что было понятно по контент-анализу запросов и писем Лушникова, это не имело значения. Стоун уже побывал в редакции газеты «Утренний курьер», познакомился с братьями Акунбековыми, ещё с несколькими влиятельными русскими. Услышал, в частности кусок разговора Лушникова с бизнесменом Лавровым по поводу спонсорских трат на организацию предстоящего Дня победы 9 мая. И сделал вывод, что русской диаспоре всё сложнее устраивать свой праздник на кипрской земле.

Однако Стоун в тот раз удержал язык за зубами и идею с лайнером русским не предложил. Во-первых, не хотел показаться навязчивым. Во-вторых, его бюро ещё готовило бэкграунд для подобного предложения. Почти списанный лай-

нер «Присцилла» раздобыли у шведов, отправили его на ремонтную верфь, поскольку он стоял без дела несколько лет. Туризм в новом мире заметно сдал позиции, и последние рейсы «Присцилла» совершала как эвакуационное судно, возила скандинавов и прибалтов подальше от радиации. Если бы реставрацией лайнера занималась обычная частная компания, то на это ушёл бы примерно год. У фокстерьеров в запасе была лишь пара месяцев. А ведь нужно ещё успеть организовать реальный коммерческий рейс для немцев, голландцев и датчан до Алжира. Ведь придирчивые русские наверняка будут изучать предложенный им лайнер по отзывам в интернете.

Конечно, можно было наделать липовых комментариев и восторженных откликов. В своё время Россию упрекали в использовании «фабрик троллей», интернет-ботов, которые использовали в целях пропаганды. Теперь же России нет, но это её изобретение взяли на вооружение все остальные, правительства и корпорации. В любом случае боты фокстерьеров будут использованы, однако необходимы и реальные отзывы реальных клиентов от круиза на «Присцилле». С фотографиями и видео.

Над этим трудились сейчас всё кипрское бюро. Даже подзадержавшегося на базе киллера Олдмана привлекли к изучению конструктивных особенностей лайнеров типа «Присциллы» – чтобы понять, как быстро его утопить. Сам Стоун изучал форум, на котором обитали местные русские, ко-

гда пришло сообщение от Керима «Выходи, покурим». Покурим? Выходи? Керим не курит, да и мог бы сам зайти в кабинет. Что за таинственность? Стоун вышел на воздух. Его главный аналитик стоял поодаль, возле угла их здания.

– Извини, просто из твоего окна этого не видно. Посмотри на тот утёс, он называется Каво Греко, греческий мыс. Только что мы перехватили телефонный разговор Лушникова и Лаврова, они, похоже, главные организаторы предстоящего русского праздника. Лавров предлагает сделать основной площадкой мероприятия именно Каво Греко.

– И что, ты боишься, что русские разглядят и обнаружат нашу базу с такого расстояния?

– Нет, я не о том. Лавров берёт обязательство согласовать эту площадку на 9 мая с местными властями. Лушникову идея нравится. Пойми: русские много лет собирались на пустынном побережье под Ларнакой, а теперь обрадуются даже этому утёсу. Тем более там стоит какой-то памятник дружбе или миру, но им этого будет достаточно с их привычкой возлагать куда-то цветы. Эти переговоры могут зайти далеко, и наша идея с лайнером ляжет на уже засохшую почву. Они не захотят плыть в Болгарию, если получится провести День победы здесь, на Каво Греко. Надо ускорять наш план.

– Чёрт! Ты прав. Тогда не будем пока озвучивать «Присциллу», предложим некий абстрактный лайнер. Но в Бургасе уже должен быть наш человек якобы от фирмы-туроператора. Мы говорили с тобой про это чтобы Лушников сам мог

позвонить поинтересоваться.

– Займусь этим прямо сейчас. Что за встреча у тебя завтра с Лушниковым?

– Я, как прилежный ученик, должен завтра принести пакет документов на регистрацию нашей будущей болгарской газеты «Дневен вестник». Мой русский учитель проверит их на адекватность перед подачей заявки. Встреча назначена в редакции Лушникова, но я попробую перенести в ресторан «Горизонт». Может сразу с Лавровым?

– Тактически опасно. Если Лавров недавно придумал идею с празднованием на Каво Греко, то он пока слишком вдохновлён и автоматически расценит твоё предложение с лайнером как конкурентное. Это психология. Лучше тет-а-тет с Лушниковым. Точнее тет-а-тет с Лушниковым и нами на прослушке. Надо осторожно задавить его, мы с ребятами будем подбрасывать тебе весомые аргументы. Планёрку собирать некогда, импровизируй, Стоун.

Лушников легко согласился перенести встречу в ресторан, и вообще был тороплив по телефону. Как потом объяснил следивший за ним Костас у господина главреда было интимное рандеву с девушкой. Это хорошо, значит, будет в приподнятом настроении. На следующий день Лушников, впрочем, явился не просто воодушевлённым, а изрядно навеселе. То ли со вчерашнего похмелья, то ли начал уже с утра. Он даже не стал смотреть приготовленные Стоуном

документы для регистрации новой газеты. Заказал водки и начал фамильярничать со Стоуном-Митевым.

– Петька! Давай намахнём по-нашему, по-славянски! Всё у вас будет здорово. Родопи, Икарус, Црвена Звезда, Слинчев Бряг, а теперь и Дневен вестник. Соберём вашу диаспору под единое крыло! Это важно, Петька, очень важно. Наши вон, кто во что горазд. Потеряли корни и полетели как перекасти-поле. Как так можно? Сами себя добиваем, гнобим, пристыживаем. Зачем? Такой шанс нам дала история! Избавила от государства! Понимаешь? Мы всю жизнь под царём ходили, отождествляли себя с государством, с правительством, с партией. А сейчас свобода! Не надо никому ничего доказывать, оправдываться, живи вольно, не придёт за тобой чекист, не кинет на бабки чиновник, не сплетёт интригу сосед. Но нет же ноем, жалуемся. Ковязин этот. Пашка Лавров. Все!

Стоун не совсем понимал, о чём говорит выпивший Лушников, но сам факт того, что разговор шёл откровенный явно совпадал с планами на этот день.

– Кстати, Вадим, Паша Лавров это тот, который главный девелопер ваш? Я слышал, как вы обсуждали День победы. Мне очень интересно, ведь мы, болгары, тоже чтим эту дату. Почему вы собираетесь на каком-то непонятном побережье? Ведь это просто пленэр, тусовка, а не дань памяти. Что будут думать про великий день ваши дети, когда вырастут?

– Ох, не говори, Петька. Срам, конечно. Лавров легко мо-

жет со своими связями и деньгами договориться об установке приличного монумента в честь наших павших воинов. Европу освобождали, между прочим! Нет, ему проще собрать нас на берегу, накрыть поляну, нагнать клоунов-певцов.

– Вадим, знаешь, у нас в Пловдиве есть монумент «Алёша», мы болгары, единственные, кто не позволил снести память об освободительной советской армии. Можно попробовать организовать групповую масштабную поездку в Болгарию. На круизном лайнере, например. Ты знаешь, море оттаяло, они теперь снова катаются по Средиземному морю. У меня есть друзья на родине, в турбизнесе, они помогут организовать.

Стоун начал как бы придумывать проект на ходу, описывал возможный маршрут и развлечения. Лушников слушал внимательно, поражённый неожиданностью и эрудицией товарища. Потом встряхнулся:

– Крутая задумка, «Алёшу» знают все наши. Боюсь только, они так быстро не раскачаются и вообще начнут ныть «далеко», «дорого», «опасно». Их на стандартное побережье нынче сложно собрать. А ты говоришь на лайнер. Можно посоветоваться с Лавровым, давай я ему позвоню.

Стоун вспомнил предостережение Керима и стал лихорадочно соображать, как избавиться от звонка Лаврову, третьему-лишнему. В этот момент пришло беззвучное сообщение от ребят из бюро, которые всё слышали «Предложи провести опрос на сайте, счётчик мы накрутим». Неплохо!

– Вадим, почему ты ссылаешься на одного лишь Лаврова? У тебя же есть интернет-сайт, все ваши им пользуются. Проведи онлайн-голосование среди русской диаспоры кто готов отправиться в незабываемое путешествие к настоящему, выстраданному, легендарному монументу? Когда ещё такое будет возможно? Наберём меньше тысячи желающих, отправимся небольшим кораблём. Если больше зафрахтуем лайнер. Я выбью у своих хорошую скидку за объём и за братство наших народов.

– Опрос? Голосование? Петька, ты плохо знаком с нашим менталитетом. Демократия то, что нас убило. Дай русскому возможность свободного выбора, и он озверевает, начнёт проявлять нетерпимость, гнуть своё и поносить чужое мнение. Вплоть до братоубийства. Особенно в интернете все становятся диванными воинами и обливают друг друга дерьмом.

Лушников сегодня был очевидно зол на соотечественников. Уж если кто кого и поливал дерьмом, то это господин главред, сейчас, своих. Либо это бывало с ним по пьяни, либо ему кто-то изрядно насолил Ковязин, Лавров или вчерашняя пассия. Стоун заинтересовался этим настроением и не стал пока давить лайнером. Он оседлал ту же волну самокритики, только на примере «своего» болгарского народа, и пытался прощупать границы ненависти Лушникова к русской диаспоре.

– У нас та же ситуация. Болгары на Кипре живут собственной шкурой и охотнее сходятся с какими-нибудь турками,

чем со своими братьями.

– Не выдумывай, болгары милейший народ. Разрозненно живут? Но ведь тихо-мирно. А у наших иванов фантомная державная болезнь. Мы, понимаешь, самые умные. Белая кость! А посмотри, кто чего добился? Ресторан этот кто держит? Русские? Нет, вон он стоит, лыбится, Рустамчик Акунбеков, киргиз! Аквапарк кто в Пафосе строит? Серёжа Авакян, армяшка! Лавров, девелопер сраный, еврей! Вот, кто молодцы. А чем чище русский, тем противнее. Ватники! Знаешь, в своё время из России эмигрировали самые умные, цвет нации, утечка мозгов и так далее. Я думал, послушные инертные ватники сгорели в ядерном пламени, и в мире остались только интеллигентные, образованные русские. Успешные, энергичные и готовые жить по-европейски. Но как только где-то скапливается много наших, то снова появляется эффект ватника, прёт прямо изнутри. И хороший, казалось бы, человек снова становится русским в худшем смысле этого слова. Больше трёх не собираться это ж про нас!

Выпито было уже достаточно. Стоун и сам стал проникаться гневом к русским, которого очень давно не испытывал. Когда он стал фокстерьером русские были для него лишь безликими объектами. Убивая их, он не чувствовал ненависти. А ведь когда-то в прошлой жизни он был ярым националистом, гонявшим москалей. Сейчас алкоголь разархивировал эту ячейку его памяти. А вместе с ним и кое-

что другое, неожиданное. Сам Стоун в пылу разговора этого не заметил, ему указали коллеги. Пришло сообщение из бюро: «Господин Петко Митев! Вы заговорили по-русски».

Стоун сначала даже не понял, что Керим имеет в виду. И только через несколько секунд, пока Лушников вещал что-то про национальный дух, до него дошло, что они с собутыльником общаются на чистом русском языке. Стоун вроде даже сматерился пару раз. Он крепко задумался, что делать? Возвращаться к английскому? Пьяный Лушников не заметил перехода на русский, но может обратить внимание на возобновление английской речи. Встать и выйти как бы в туалет, создать смысловую паузу на пять минут? Наверное, да. Но тут Стоун заметил стоящего неподалёку молодого официанта. Остальные посетители ресторана не особо интересовались разговором Лушникова и Стоуна, хотя говорили они громко. А этот официант с бейджиком на кириллице «Борис», сейчас изумлённо пялился на «болгарина». Ведь Борис обслуживал их раньше, и знал, что товарищ Лушникова какой-то болгарин Петко. И вот Петко стал неожиданно хорошо материться по-русски.

Нет, уходить в туалет плохой вариант. Официантик может сунуться к Лушникову с расспросами. Стоун не нашёл ничего лучше, как сделать вид, что разговаривает сейчас на болгарском. Он обратился именно к официанту, выдумывая неизвестный ему язык:

– Чого бачишь, хлопчешко? Истино глаголет пан Вадым?

Лушников заткнулся и удивлённо уставился на Стоуна. Перевёл взгляд на официанта. Тот испуганно пробормотал «Что-нибудь ещё?» и сбежал на кухню. А что же главред? Лушников, к счастью, оказался слишком пьян, чтобы заметить неладное.

– Наливай, Петька. Бориска этот смотрит на нас как на быдло, а сам копит на лондонский университет. Получит европейское образование и смоемся отсюда. Забудет папу с мамой, братьев Акунбековых и нас с тобой как страшный сон. Вот так мы и испаримся, русские, через пару поколений. Хотя будь моя воля, я бы их сам всех передушил. Бараны.

– А что? Собрать всех на лайнере и утопить. Не выдержал Стоун. Он сказал это по-английски. И добавил в конце усмешку, «хех». Но этот «хех» оказался не очень натуральным. Лушников как-то странно посмотрел на собутыльника. Смотрел долго и тяжёлым взглядом.

– А где говоришь, Икарусы у вас выпускали?

Стоун запаниковал. Происходило что-то неправильное. Какие к чёрту Икарусы? Он потянулся к своему телефону, но этот жест был весьма очевиден.

– Там разные заводы, одно делали в Софии, другое в Пловдиве

– Икарус, дружок, делали в Венгрии. В голосе и поведении Лушникова произошла угрожающая перемена. Ты кто такой? Спросил он по-русски. Стало ясно, что это прокол. Лушников почему-то перестал быть пьяным, его мысль со-

бралась в точку, и в этой точке встретились русская речь Стоуна, болгарский Икарус и лайнер, который можно утопить.

В этом ресторане подавали отличный стейк. Так, как здесь, его не готовили больше нигде. Его начинали томить в пароконвектомате, но недолго затем относили на открытый огонь. И получалось интересное сочетание: жёсткое, с кровью мясо внутри, но хорошо прожаренное снаружи. С корочкой и с запахом шашлыка. Публика его так и называла «Шашлык, пожалуйста». Куски были огромные. Чтобы разрезать такое, к блюду подавались не столовые никчёмные ножи, а хорошие фирменные, а-ля кавказские кинжалы.

Такой стейк и такой кинжал лежали перед Вадимом Лушниковым. И ко всеобщей неожиданности достопочтенный главный редактор известной газеты, уважаемый лидер диаспоры, добрейший собиратель трав и импозантный любимец женщин схватил нож и дилетантски, через весь стол, сунул его Стоуну в рёбра.

Впрочем, опыт был на стороне фокса. В дальнейшие секунды его тело делало всё автоматически. Стоун видел, как его собственный торс сместился в сторону, как его рука перехватила руку соперника, помогла ей ткнуть ножом пустоту и потащила дальше так что Лушников залетел пузом на трапезу. А потом, когда в теле главреда не осталось ни инерции, ни сообразительности, ни воли рука Стоуна всадила этому телу нож в шею. Почти по самую рукоять. Брызнула высокая

струя крови, и раздался хлюпающий звук. Он почему-то был для Стоуна ярко выраженным, громче, чем женские визги где-то на фоне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.